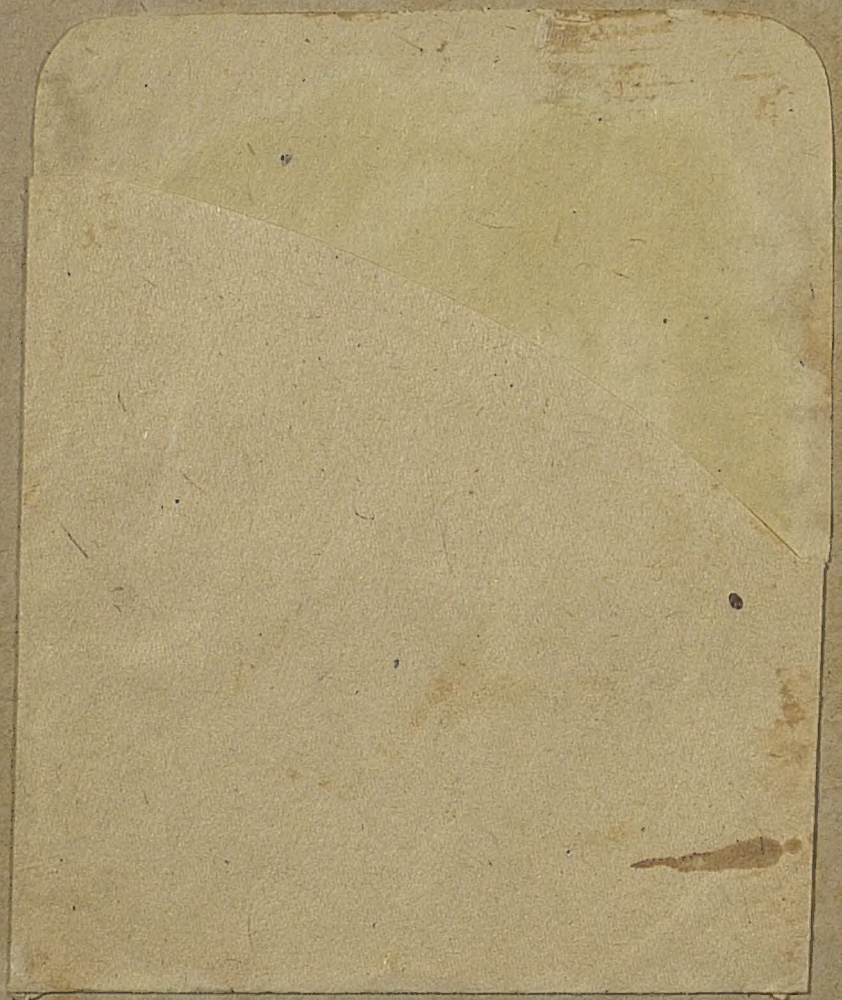
КП 135
А 52
Алуф А.
Профсоюзы и положение...
М. 1995

51803/8



А. АЛУФ

ПРОФСОЮЗЫ И ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В СССР (1921-1925)

ИЗДАНИЕ ПРОФИНТЕРНА МОСКВА 1925

КП
13/5
А 52

А. АЛУФ

331.88 (47)

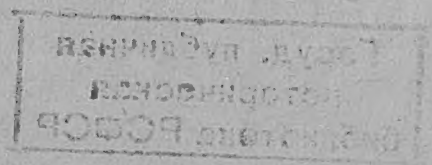
ПРОФСОЮЗЫ
И
ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА в СССР
1921—1925 г. г.

С предисловием
А. ЛОЗОВСКОГО

БИБЛИОТЕКА
КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв № 5.18.07
8°

инв. 51803/8°
Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР

ИЗДАНИЕ ПРОФИНТЕРНА
МОСКВА 1925



Главлит 28230. Тираж 10.000

Типо-литография Военной Академии Р. К. К. А. Москва.
Зубовскаяул., д. 14. Телеф. 4-79-55

От редакции.

Настоящая брошюра тов Алуфа „Профсоюзы и положение рабочего класса в СССР за 1921—1925 г.г.“ первоначально предназначена была редакцией лишь для германского рабочего читателя. В основу ее автором положено опровержение и изобличение—*фактами и цифрами*—той бессовестной, той демагогической лжи о положении рабочих масс в Советской Республике, какая еще до сего времени распространяется среди европейского, главным образом, германского пролетариата, и которая облекается в форму серьезных „научно-исследовательских“ трудов, где внешне все как будто обстоит благополучно: приводится большой статистический материал, даются авторитетные цитаты, указаны солидные источники и прочее....

В своем придисловии к немецкому изданию [1]) тов. Лозовский в достаточной мере четко и выразительно вскрывает не только действительную ценность этих „беспристрастных изысканий“, но и тот „стимул“, те движущие силы, которые заставляют от'явленных врагов русской пролетарской революции и диктатуры пролетариата инспирировать такого рода „труды“ как Шварца и иже с ним.

Германскому рабочему читателю брошюра тов. Алуфа, несомненно, окажет огромную услугу: она поможет ему разобраться в русской действительности, поможет ему—на основании фактов и в противовес цинично-тенденциозному изложению Шварца—нарисовать картину действительного поло-

---

[1]) В виду большого общего интереса для русского читателя мы помещаем это предисловие и в русском издании.

жения русских союзов: она поможет ему, наконец, разделаться с навязчивой информацией Шварцов и К-о.

Но и русский рабочий читатель с большой пользой для себя прочтет эту брошюру. В ней он найдет ряд сжатых и просто составленных очерков по главнейшим вопросам российского профдвижения, основанных на тщательно подобранном и свежем статистическом материале.

Полнее всего автором разработана глава об экономическом положении русского рабочего. Это вытекало и из основной задачи брошюры,—отпарировать то покушение с негодными средствами, какое предпринял Шварц именно в этом вопросе. Но и это тоже—одно из достоинств книжки, так как эта глава даст возможность как рядовому читателю, так и квалифицированному профработнику найти ответ на ряд важных экономических проблем, частью разрешенных, частью намеченных к разрешению.

Брошюру тов. Алуфа можно усиленно рекомендовать русскому читателю. Таких обстоятельно разработанных и вместе с тем сжато составленных книжек у нас пока что очень еще немного.

Е. Л.

Предисловие к немецкому изданию.

Русские профсоюзы занимают особое место в мировом профессиональном движении, при чем это место они занимают, благодаря тому, что русский пролетариат сверг буржуазию, построил пролетарское государство и в течение многих лет находится у власти. Естественно, что характер и функции профессиональных союзов определяются вот этим именно основным моментом, и тот, кто подходит к советским профсоюзам, не обращая внимания на этот существенный факт, никогда ничего не поймет в том, что делается в профессиональном движении СССР. В течение всех лет революции международная социал-демократия старалась доказать, что в Советской России вообще никаких профессиональных союзов нет,—есть организации, „подчиненные" Советскому государству, которые ничего общего с профессиональными союзами других стран не имеют и только. Некоторые руководители Амстердамского Интернационала договаривались даже до того, что требовали от Советских союзов отказа от их особенностей (поддержка диктатуры пролетариата, коммунистическое руководство и т. д.) в обмен на принятие их в Амстердамский Интернационал. Так было в первые годы существования Советских Республик. Но по мере того, как трудящиеся массы СССР выходили из созданных блокадой и гражданской войной трудностей, по мере того, как поднималось благосостояние широких масс населения, а профсоюзы развертывали свою творческую работу, среди рабочих других стран стал увеличиваться интерес к профессиональному движению СССР.

Но чем больше рос интерес к нашим профессиональным союзам, тем боспокойнее становилась международная социал-

демократия и ее русская эмигрантская секция. Реформисты на протяжении нескольких лет твердили, что положение рабочего класса в СССР безостановочно ухудшается... Когда же страну охватил голод, то это было прямо-таки находкой для международной социал-демократии. Реформисты становились в позу и, обращаясь к своим рабочим, обычно говорили: „Смотрите, каковы результаты революции!. Вот вам и диктатура пролетариата! Не идите большевистским путем, иначе вам грозит то же самое". Но голод прошел, народное хозяйство нашей Советской Республики безостановочно развивается, поднимается благосостояние широких масс, и международная социал-демократия должна изыскивать новые методы агитации и пропаганды против СССР. Помимо обычной клеветы, которой пользовались буржуазные и социал-демократические газеты Европы и Америки, читателю часто преподносится сообщение от своих „собственных корреспондентов". Эти „собственные корреспонденты" сидят обычно за-границей и высасывают сведения из своего собственного пальца, при чем единственной целью этих сведений является затушевывание того неоспоримого факта, что благосостояние широких масс непрерывно растет. Каждая буржуазная и социал-демократическая газета завела своего русского „эксперта", благо эмигрантов очень много и они могут давать *желательные* для редакции сведения. Все это эмигрантское творчество рассчитано, по преимуществу, на то, чтобы возбудить в читателе, особенно в читателе-рабочем, отвращение не только к русской революции, но и к революции вообще. Эта антиреволюционная информация с особой тщательностью разрабатывается социал-демократической прессой, которая давно уже стала важнейшим устоем диктатуры буржуазии. Вопрос о „банкротстве" русской революции особенно часто занимает внимание германской социал-демократической прессы и прессы АДГВ.

В этой последней весьма „успешно" подвизается известный меньшевик, Шварц, который, помимо того, является также и экспертом по русским делам при Амстердамском Интернационале. Этот видный чиновник министерства труда при временном правительстве Керенского обладает лите-

ратурным зудом и наводняет всю социал-демократическую и профессионально-реформистскую прессу своими иеремиадами о положении рабочего класса СССР. Шварцу нельзя отказать в усидчивости. Он тщательно подбирает в советской прессе само-малейшие отрицательные факты, разбавляет их своими тоскливыми рассуждениями, а затем отдает все это Амстердамскому Интерниционалу, который, в свою очередь, рассылает всем примыкающим к нему организациям и всей социал-демократической прессе эту эмигрантскую похлебку, как новейшие „исследования" о жизни рабочего класса СССР.

Все, что пишет Шварц, принимается на веру и не вызывает никаких сомнений, а вот отчет английской делегации вызвал бешеный вой со стороны не только буржуазной, но и социал-демократической прессы, при чем составителей отчета обвиняют буквально во всех смертных грехах. „Социалистический Вестник" назвал этот отчет „нечестной книгой". Фриц Адлер сказал, что эта книга—есть „продукт низкого образа мыслей". В этом же духе высказываются и виднейшие социал-демократы и профессиональные бюрократы всех стран. Но почему же цифрам и фактам, приводимым Шварцем, безоговорочно верят, а фактам, приводимым *не коммунистической* английской делегацией, не дается веры? В чем тут дело? Неужели же, не имеющий никакой связи с рабочим классом СССР, плаксивый и нудный Шварц заслуживает большего доверия, чем делегация, представляющая все профессиональнное движение Великобритании? Очевидно, так.

Уже одного этого факта достаточно, чтобы понять *политическую подоплеку* всей той кампании против русских профессиональных союзов, которая ведется социал-демократической прессой. Международная социал-демократия должна во что бы то ни стало доказать, что революция невыгодна рабочему классу. И вот эту-то благородную роль выполняет Шварц,—выполняет ее потому, что реформистский рынок требует такого рода литературы. Для удовлетворения реформистского рынка Шварц написал 2 брошюры, посвященные заработной плате рабочих в СССР. Этими брошюрами Шварц доказал, что он умеет маневрировать цифрами и

что для него статистика не наука, а искусство. Мы не собираемся полемизировать с этим сведущим лицом по русским делам при Амстердамском Интернационале. Раз руководители Амстердамского Интернационала хотят подтвердить свою отрицательную точку зрения на русскую революцию фактами, то более подходящего человека, чем Шварц, трудно было бы найти.

Я уже сказал, что он очень усидчив, тщательно подбирает факты, умеет придать фактам вид учености, владеет искусством статистики и с фанатическим усердием ищет блох на теле русского пролетариата. Насколько Шварц, мягко выражаясь, фальсифицирует цифры, видно из следующего факта. Все писания Шварца, видного сотрудника меньшевистского „Социалистического Вестника", имеют целью доказать продолжающееся ухудшение положения рабочих в СССР. Теперь он уже делает по этому вопросу оговорки, смысл которых таков: „надо признаться, но нельзя не сознаться".... Между тем, в последнем номере этого же органа от 15 апреля, в передовой статье, мы читаем: „Несколько улучшившееся материальное положение рабочих, избавляющее их от сосредоточения всех помыслов на куске хлеба". Значит, материальное положение „несколько улучшилось" или нет? Но ведь эти же господа твердили, что „большевистская авантюра" должна привести к обнищанию рабочего класса. Как же согласовать меньшевистскую теорию с советской практикой? Никак.

Было время, когда такого рода эмигрантская информация господствовала на книжном рынке, но это время прошло. Есть целый ряд трудов о положении СССР, из которых видно, что рабочий класс нашей страны выиграл от революции. Но если бы даже не было таких трудов, то достаточно было бы сравнить СССР и германскую Гинденбургию, чтобы признать преимущество большевистской тактики перед тактикой социал-демократической. Теперь самые заядлые враги Советской Республики вынуждены признать, что она становится сильнее и устойчивее с каждым днем. При соблюдении самой элементарной честности социал-демократические литераторы вынуждены были бы признать, что по-

ложение рабочего класса в значительной степени улучшилось, но это не входит в их задачу и они продолжают врать.

Все труднее и труднее становится поддерживать первоначальную версию о разорении и обнищании СССР, вследствие революции. Приходится признать, что Советская Республика преодолела трудности и быстро идет вперед. Рабочие в массе своей, в общем и целом, разуверились в социал-демократических пророчествах, ибо существование Советской России опровергает всю социал-демократическую концепцию истории. Чем больше социал-демократическая и профессиональная пресса писала и пишет против России, против русских профсоюзов, тем больше интереса возбуждает СССР и наши профессиональные союзы среди рабочих других стран. Последний год является в этом отношении крайне характерным. Во всех странах имеется тяга в СССР, желание ознакомиться ближе с жизнью и работой профессиональных союзов нашей страны.

Конечно, ознакомиться можно, но не по фальсифицированным сведениям, помещаемым в буржуазной и социал-демократической прессе. Ознакомиться с СССР, с рабочим движением нашей страны, со взаимоотношениями между профессиональными союзами и Советской властью, с гигантской политической, хозяйственной, организационной и культурной работой наших профессиональных союзов можно лишь на основании первоисточников. Надо изучать советское профессиональное движение, а не подходить к нему с заранее сфабрикованным шаблоном.

Один из самых реакционных руководителей английского профессионального движения, Гавелок Вильсон, иронически спрашивает в последнем номере своего органа: „Чему могут нас научить русские?“. Гавелок Вильсон известен, как отчаянный противник социализма и друг предпринимателей. Он, может быть, и искренне думает, что английским рабочим нечему у нас научиться. Он это думает потому, что английское профессиональное движение—самое старое профессиональное движение. Мы не отрицаем возрастного ценза английских профсоюзов и мы не отказываемся

учиться всему тому, что есть хорошего в английском профдвижении, но и английским союзам есть кое-чему поучиться у нас. Взять хотя бы лишь то, что у нас всего лишь 23 профессиональных союза, тогда как в Англии их много сотен, или тот факт, что союзы построены на основе фабзавкомов. Я взял только лишь 2 примера из организационного строительства наших союзов, а сколько примеров можно взять из политической деятельности советского профессионального движения? Если Советская Россия выдержала натиск сильнейших империалистических государств, то в этом заслуга и советских профсоюзов. Если наше народное хозяйство поднимается, то в этом также „замешано" наше профессиональное движение; если уровень благосостояния рабочих масс растет, то и здесь не последнюю роль играют наши профессиональные союзы. Какую бы сторону общественной жизни мы ни взяли,—везде советские союзы играют выдающуюся роль. Союзам всех стран следовало бы детально познакомиться с тем, что и как делали русские союзы для того, что бы свергнуть буржуазию, всем следовало бы познакомиться с тем, как профессиональные союзы принимали участие в завоевании власти и как эта власть удерживается в руках пролетариата при помощи профессиональных союзов.

Во многих странах социал-демократы и вожди профсоюзов были у власти, но чем же кончилось пребывание их у власти? Тем, что на их место встали представители реакционных партий, а социал-демократы занимаются парламентской оппозицией. Мы в СССР действовали иначе. Правда, буржуазия от этого проиграла, но зато рабочий класс выиграл, а это самое главное.

Наши профсоюзы—революционные организации, которые ставят перед собой революционные цели и задачи. Эти революционные цели и определяют собою как общую, так и повседневную работу наших профессиональных союзов. Это должен знать и помнить каждый европейский читатель.

Предлагаемая вниманию европейского читателя брошюра тов. Алуфа имеет своей задачей дать сжатую картину советского профдвижения за работой в годы 1921—1925. Автор

брошюры поставил себе задачу дать максимальное количество фактов, предоставляя самому читателю делать из них выводы. Эту свою задачу автор выполнил, и каждый рабочий, который прочтет внимательно эту брошюру, получит достаточные предварительные сведения для дальнейшего детального ознакомления с профессиональным движением СССР и с действительным положением рабочих Советской Республики. Правда, все то, что пишет тов. Алуф, совсем не похоже на эмигрантскую литературу, но это уже не вина автора, а вина фактов. Факты находятся в кричащем противоречии с эмигрантскими писаниями. Кто хочет ознакомиться с советскими союзами, *как они есть,* а не с каррикатурой на них,—тот с пользой для себя прочтет настоящую брошюру. Само собой разумеется, что она может служить только введением для дальнейшего ознакомления с профессиональным движением Советской Республики и с достижениями рабочего класса СССР.

А. Лозовский.

Москва
15/V 1925 г.

I. Профсоюзы накануне новой экономической политики

В начале 1921 года положение Советской республики, несмотря на то, что гражданская война близилась к концу, и что белые армии, снаряжавшиеся и поддерживавшиеся иностранными капиталистическими государствами, были все разбиты,—было очень тяжелое. Трудности, стоявшие перед Советским государством, сосредоточились, главным образом, в области хозяйственной. Эти трудности заключались в несоответствии форм управления хозяйством, сложившихся в годы гражданской войны, с требованиями мирного хозяйственного строительства.

Диктовавшаяся условиями гражданской войны необходимость централизации в руках государства всех сравнительно небольших рессурсов государства для использования их в нуждах обороны, — обуславливала и необходимость централизованного управления всей промышленностью непосредственно самим государством по единому плану. В таком же порядке приходилось производить и распределение всех продуктов сельского хозяйства и изделий промышленности.

Однако, с окончанием гражданской войны и наступлением условий мирного хозяйственного строительства, эти формы управления хозяйством становились тормазом на пути хозяйственного возрождения страны.

Народное хозяйство еще не было настолько развито и промышленность настолько укрупнена, чтобы они могли целиком управляться в централизованном порядке по единому государственному плану, и это сказалось сейчас же, как только государство, разгрузившись от работы по военной обороне революции, обратилось к восстановлению народного хозяйства. В связи с переходом на новую экономическую политику понадобилось и коренное изменение форм управления хозяйством страны.

Общее положение Советской республики в условиях гражданской войны и хозяйственные отношения, существовавшие в то время, определили и формы профессионального движения.

Профсоюзы, принимавшие ближайшее участие в проведении национализации промышленности и в создании государственных органов управления, выполняли в значительной мере хозяйственную работу, ибо государственные органы были в этот период еще слишком слабы, а государство, занятое, главным образом, работой по обороне революции, не было в состоянии их усилить. Профсоюзы, поэтому, в этот период ставили в центре своего внимания организационно-хозяйственную работу, занимаясь, главным образом, организацией управления промышленностью. В основе такого направления работы союзов лежало полное совпадение интересов союзов и Советского государства, осуществлявшего основные цели и задачи рабочего класса: укрепление пролетарской власти.

Организованное участие рабочих масс в хозяйственной работе явилось мощным фактором в предохранении промышленности от полного разрушения и сохранило рабочий класс от распыления. Условия гражданской войны создали такие трудности для рабочего класса и всего Советского государства, что речь шла о самом существовании российской промышленности и пролетариата. В последовавший за гражданской войной период новой экономической политики основным принципом революционного профдвижения в Советской республике оставалась та же безусловная поддержка советского государства.

Существует ряд „благожелателей“ Советской власти, которые представляют дело так, будто профсоюзы Советских республик в эпоху гражданской войны превратились в чуждые и ненужные рабочим массам организации. В своих низменных целях, они сознательно искажают истину и сознательно говорят неправду. К таким авторам относится небезызвестный С. Шварц, который в своей брошюре [1]) о профдвижении Советских республик, изданной Амстердамским Интернационалом, пишет о Советских союзах следующее:

„В 1918 — 21 годах в России пытались построить промышленность на социалистических началах. Все попытки, однако, направленные к организации социалистического

---

[1]) S. Schwarz. Rückblick und Ausblick über die russische Gewerkschaftsbewegung. Verl. des Intern. Gewerkskchaftsbundes, Amsterdam, 1923 r.

хозяйства, разбились об экономическую отсталость страны Единственным результатом этих попыток было дальнейшее расстройство разрушенных внешней и внутренней войной производительных сил. Не приведя к построению социализма, хозяйственная политика Советского правительства вызвала к жизни лишь бюрократические, беспомощные, насильственные аппараты, неспособные организовать хозяйство. Профсоюзы России, которые в это время превратились в орудия государственной власти, стали частью этих аппаратов, государственными принудительными органами по вопросам труда".

Каким же образом, однако, эти „бюрократические", „принудительные" союзы стали массовыми организациями рабочего класса? Какими средствами удерживали они в своих рядах миллионы рабочих и служащих? По каким причинам эти союзы после отказа от методов работы, применявшихся в условиях гражданской войны, и после перехода на новые методы работы, не только не развалились, а сильно укрепились и продолжают расти и развиваться до сих пор?

Мы напрасно стали бы искать ответа на эти вопросы у авторов, подобных Шварцу, единственная цель которых заключается в том, чтобы оклеветать революционное профдвижение Советских республик.

В действительности, положение было вовсе не таким, каким они его рисуют. Профсоюзы, в годы самой ожесточенной гражданской войны, отнюдь не были превращены целиком в государственные органы. Против этого решительно восставали как коммунистическая партия, так и руководящие органы профдвижения. „Было бы ошибкой — говорится в постановлении II с'езда профсоюзов, состоявшегося в самом начале 1919 г.—на данной стадии развития профессионального движения, при недостачно оформившихся организациях, как немедленное превращение союзов в органы государственной власти и слияние их с таковыми, так равно и самовольное присвоение союзами функций государственных органов" [1]).

Эта позиция оставалась руководящей в деятельности союзов во весь период гражданской войны. В 1921 году тов. Ленин писал: „Поголовно охватывая, включая в ряды организаций индустриальных рабочих, профессиональные союзы являются организациями правящего, господствую-

---

[1]) „Путеводитель по всероссийским с,ездам и конференциям профессиональных союзов". Ю. Милонов. Издание ВЦСПС. 1924 г.

щего, правительствующего класса, того класса, который осуществляет диктатуру, того класса, который осуществляет государственное принуждение. Но это не есть организация государственная, это не есть организация принуждения; это есть организация воспитательная, организация вовлечения, обучения; это есть школа, школа управления, школа хозяйничанья, школа коммунизма“ [1]).

Такую же точку зрения развивал тов. Зиновьев. „Много раз говорилось о том, — писал он — что профессиональные союзы являются школами коммунизма. Что это значит „школа коммунизма?“ Если серьезно брать это определение, это значит, что в школе коммунизма надо прежде всего *учить* и *воспитывать*, а *не* командовать (подчеркнуто тов. Зиновьевым). Мы должны, прежде всего, быть воспитателями в этой школе, должны быть учителями, но мы ни в коем случае не должны являться командирами. Если мы говорим о том, что профессиональные союзы есть школа коммунизма, то мы должны это не только впустую произносить, а мы должны вдуматься в это определение и сделать из него соответствующие практические выводы“ [2]).

Мы видим, таким образом, что как всероссийский с'езд союзов, так и авторитетнейшие представители коммунистической партии высказались *против* огосударствления союзов, которое в действительности осуществлено не было. Профсоюзы не были превращены в государственные органы, но оказывали постоянное и энергичнейшее содействие Советскому государству в осуществлении всех проводившихся им мероприятий и в необходимых случаях брали на себя выполнение отдельных государственных функций, ясно сознавая, что интересы советского государства и союзов полностью совпадают.

Столь же ложное и клеветническое освещение, как и по вопросу об огосударствлении союзов, писатели из лагеря амстердамцев пытаются дать политике заработной платы революционных союзов в период гражданской войны. Упомянутый уже нами автор—С. Шварц—в другой своей работе „Заработная плата и политика заработной платы в России“ [3]), появившейся в конце 1924 года, представляет всю политику

---

[1]) Статьи и речи по вопросам профдвижения. Н. Ленин. Издание ВЦСПС. 1924 г.

[2]) „О роли профессиональных союзов“. Г. Зиновьев. Ленинград. 1921 г.

[3]) Der Arbeitslohn und die zohnpolitik in Russland. Türinger verlagsanstalt. Iena. 1924.

заработной платы профсоюзов советских республик, как направленную к удержанию роста заработной платы, а, следовательно, и к ухудшению положения рабочих. „Стремление к удержанию роста заработной платы, не только реальной, но и номинальной—пишет он — было характерно для деятельности Народного Комиссариата Труда с самого начала его существования". „Действительным вдохновителем этой политики, — указывает он далее — были профессиональные союзы". Этот „знаток" и „исследователь" российского профессионального движения видит, таким образом, основную линию политики заработной платы революционных союзов в их стремлении к удержанию роста заработной платы и отсюда делает все свои дальнейшие выводы и заключения о развитии форм заработной платы в России в эпоху гражданской войны.

Приходится удивляться беззастенчивости автора и крайне оптимистическому его представлению о легковерности читателя. Прежде всего встает вопрос: Чьи интересы защищали профсоюзы советских республик, препятствуя, по словам автора, рабочим поднимать заработную плату? Может быть, интересы буржуазии и капиталистов? Но ведь и малым ребятам в Европе известно, что советская власть и революционные профсоюзы прогнали капиталистов, из'яв из их рук фабрики и заводы и передав последние трудовому государству. Ведь всем известно, что в России пролетарски-трудовое государственное правление. В чьих же интересах действовали профсоюзы советских республик? На этот вопрос автор ответа не дает, не может и не хочет дать, ибо иначе он должен был бы сознаться, что советская власть и профсоюзы действовали исключительно в интересах рабочего класса. А сознаться в этом--значит расписаться в своей собственной несостоятельности.

Но обратимся к тем конкретным фактам, которыми оперирует указанный автор. „Стремление к воспрепятствованию росту заработной платы в целях удержания стоимости денег—пишет он—побудило ВЦСПС, действительного вдохновителя этой политики заработной платы, уже в январе 1919 года обратить внимание профорганизаций на необходимость усиления работы, главным образом, в сторону лучшего натурального обеспечения рабочих, усиления снабжения их продовольствием, одеждой, обувью и улучшения жилищных условий рабочих".

Итак, стремление профсоюзов к усилению натурального снабжения рабочих в тот момент, когда деньги с каждым днем все больше теряли свою ценность, толкуется здесь,

как „воспрепятствование росту зарплаты“. Достаточно вспомнить те условия, которые существовали в то время: общее резкое ухудшение хозяйственного положения страны, расшатанность денежной системы, неизбежность для государства выпуска все новых и новых масс бумажных денег в целях установления военной обороны,—чтобы уяснить себе, что единственный путь улучшения положения рабочего класса лежал, именно, в переходе с денежной формы зарплаты на натуральное снабжение. Только контр-революционеры, только люди, стремившиеся создать все больше и больше затруднений для советской власти, шли в это время в рабочие массы и сеяли там ложные надежды на возможность улучшения положения рабочего путем повышения денежной заработной платы. Действительные защитники интересов рабочего класса — революционные профсоюзы—указали рабочему классу верный и правильный путь улучшения его положения, заключавшийся в то время исключительно в усилении натурального снабжения.

Когда III всероссийский с'езд профсоюзов в апреле 1920 года постановил, что „при данном экономическом и финансовом положении страны дальнейшее повышение денежной оплаты труда ни в коей мере не может служить выходом из тяжелого экономического положения трудящихся масс, и что в дальнейшем необходимо установление системы снабжения трудящихся продовольствием и предметами первой необходимости в зависимости от производительности и хозяйственной важности их труда для государства“ (целевое снабжение),—он указал этим и те формы оплаты труда, которые в то время имели реальное значение, ибо обеспечение рабочих денежной зарплатой становилось все более иллюзорным. Только нарочитое и сугубое намерение автора опорочить истинно-классовую защиту рабочих масс со стороны революционных союзов могло толкнуть его на то, чтобы в этом постановлении с'езда увидеть „стремление ограничить рост не только денежной зарплаты, но заработной платы вообще“.

В период гражданской войны профсоюзы принуждены были постепенно переходить на централизованные формы регулирования заработной платы и на установление единых тарифов в масштабе всей республики. Эти формы регулирования заработной платы обусловливались существовавшей в это время централизованной формой управления промышленностью. Со стороны отдельных хозяйственных органов и предприятий были неоднократные попытки обхода и ломки централизованных тарифов, что создавало огромные труд-

ности в тарифной работе союзов. Само собою разумеется, что ломка тарифов в одном предприятии ставила в худшие условия все остальные предприятия, так как снабжение предприятия денежными средствами, сырьем, топливом, продовольствием для рабочих и т. д.—было строго централизовано и производилось едиными руководящими хозяйственными органами. Даже частные предприятия получали все необходимые им материалы по разрешениям и нарядам государственн ых руководящих органов. Все это заставляло союзы вести самую жестокую борьбу с ломкой тарифов. Этим именно об'ясняется постановление III всероссийского с'езда профсоюзов о том, что союзам необходимо обратить особое внимание на неуклонное проведение централизованных тарифов. С'езд дал ряд директив о мерах борьбы с ломкой тарифов и одновременно указал на то, что „владельцы частных предприятий за нарушение тарифных положений должны лишаться права руководить предприятием с наложением секвестра на само предприятие“ [1]).

Вот именно это постановление Шварц пытается представить, как одно из доказательств стремлений союзов к ограничению заработной платы, даже в частных предприятиях.

Можно же договориться до такого абсурда: революционные союзы в роли защитников частных капиталистов, „помимо и вопреки их воли“. Такое толкование говорит лишь о том, что „доктор“ Шварц просто ничего не понял в тарифной политике революционных союзов. Такое непонимание он уже и раньше обнаружил и в отношении других областей российской профсоюзной деятельности.

Признав необходимым вести решительную борьбу с ломкой тарифов, III с'езд союзов преследовал одну основную цель: предупредить растаскивание отдельными предприятиями государственных рессурсов, предназначенных для обеспечения *всей* промышленности и *всего* рабочего класса. Если бы союзы разрешили ломку тарифов отдельным предприятиям, общее положение всего рабочего класса быстро и резко ухудшилось бы. На III с'езде союзов речь шла ни о чем другом, как именно об улучшении положения рабочего класса в условиях централизованного управления хозяйством и централизованного регулирования заработной платы.

В действительности, профсоюзы в период гражданской войны, несмотря на все трудности, которые стояли перед

---

[1]) Резолюции III всероссийского с'езда профсоюзов.

ними, несмотря на постоянное отвлечение внимания и сил на разрешение государственных задач, выполнили огромную работу по организации масс, укреплению своих рядов, стройному оформлению своих организаций. В течение нескольких лет союзы, создавшиеся как массовые организации всего только в начале 1917 года, об'единили в своих рядах миллионы членов. Рост членов союзов в период гражданской войны виден из следующих цифр:

На 3-ей конференции профсоюзов (20—28 июня 1918 г.) представлено было	1.475.429 чл.
„ I-м с'езде профсоюзов (7—14 января 1918 г.) представлено было	2.638.812 „
„ II-м с'езде профсоюзов (16—25 января 1919 г.) представлено было	3.422.000 „
„ III-м с'езде профсоюзов (6—13 апреля 1920 г.) представлено было	4.328.000 „
„ IV-м с'езде профсоюзов (17—25 мая 1921 г.) представлено было	8.485.800 „ [1])

Остановка в развитии союзов получилась лишь к концу гражданской войны, когда начало сказываться несоответствие прежних форм управления промышленностью с новыми требованиями хозяйства в условиях мирного строительства и когда наметилась необходимость перехода на новую экономическую политику.

[1]) М. Томский. „Очерки профессионального движения в России". Издание ВЦСПС. Москва. 1920 г. и Ю. Милонов. „Путеводитель по всероссийским с'ездам и конференциям профессиональных союзов".

II. Новая экономическая политика и союзы

Переход Советского государства на начала новой экономической политики в 1921 году заключался, главным образом, в том, что государство допустило существование частных капиталистических предприятий наряду с государственными, отказалось от единого централизованного управления промышленностью и восстановило вольный рынок сбыта продукции сельского хозяйства и промышленности, оставив за собою в области внутренней торговли лишь общее регулирование.

Это создавало совершенно новые условия для государственной промышленности, которой предстояло вступить в полосу напряженной и трудной борьбы с частным предпринимателем за господство на рынке сбыта, а в тех отраслях промышленности, где частная конкуренция была не опасна (тяжелая индустрия, нефть и уголь), предстояло увязать организацию производства, производительность труда и другие факторы, влияющие на цену изделий, с устаковляемыми на вольном рынке ценами на сельско-хозяйственные продукты.

Все эти обстоятельства не могли не оказать глубокого влияния на работу союзов. В условиях гражданской войны, когда промышленность строилась по единому государственному плану, основная задача государства и союзов заключалась в том, чтобы точно увязать обе части плана— издержки производства (зарплата и др.) и результаты производства (производительность труда). С переходом на новую экономическую политику, когда государственные предприятия начали переводиться на хозяйственный расчет, перед союзами встала естественная задача — помочь пролетарскому государству и одновременно защищать интересы рабочих масс: удержать равновесие между требованиями рынка к снижению издержек производства и необходимостью обеспечить нормальные условия жизни рабочего класса.

В то же время общее усиление государственных органов управления промышленностью и возможность для государства, в связи с окончанием гражданской войны, уделить больше внимания и сил хозяйственному строительству, создали условия, позволившие союзам несколько ослабить свое участие в организации хозяйства и ограничить работу в этой области наиболее важными принципиальными и плановыми вопросами. Явилась возможность усиления работы союзов в деле обслуживания трудовых и бытовых нужд членов союзов. Это новое направление работы союзов, диктовавшееся условиями новой экономической политики, впоследствии ставшее основной задачей союзов, было усвоено союзами не сразу после перехода на новую экономическую политику. Переходный период неизбежно должен был вызвать непродолжительную заминку в работе союзов и задержку в их развитии.

Несоответствие между новыми хозяйственными отношениями и новым содержанием работы союзов прежде всего сказалось в области регулирования зарплаты. Во время гражданской войны союзы пользовались исключительным правом регулирования зарплаты, которое производилось в централизованном порядке каждым производственным союзом в масштабе всей республики. Уровень зарплаты определялся в зависимости от тех средств, которые уделялись на данную отрасль хозяйства по единому государственному плану. С отказом государства от централизованной формы управления промышленностью и от единого государственного хозяйственного плана, рессурсы каждого предприятия становились неодинаковыми и регулирование зарплаты в прежнем порядке становилось невозможным. Обязательный тариф, одинаковый для всей отрасли промышленности, стал препятствием на пути к увеличению зарплаты в наилучше обеспеченных и хозяйственно оправдывавших себя предприятиях.

Организационные формы строения союзов, установившиеся в период гражданской войны, также перестали соответствовать новым условиям, создавшимся после перехода на новую экономическую политику.

Стремясь к предупреждению распыления рабочего класса и к сохранению квалифицированной рабочей силы, а также к подчинению своему влиянию тех новых кадров рабочих и служащих, которые во время войны влились в производство, союзы во время гражданской войны практиковали обязательное членство и взимание членских взносов через контору предприятия. Само собою разумеется, что обяза-

тельное членство ни в коем случае не надо понимать в том смысле, что союзы в это время принимали „репрессивные“ меры в отношении не желавших состоять в союзе—как это лживо представляют сознательные враги революционного профдвижения в России. Дело в том, что союзное членство в это время вообще не было достаточно оформлено: основным признаком его являлось участие в производстве. Такая неоформленность вызывалась не принципиально отрицательным отношением союзов к добровольному членству, а, главным образом, недостатком у союзов материальных рессурсов для проведения его в жизнь в отношении многомиллионной массы трудящихся, в короткий срок влившихся в профессиональные организации. При том напряжении сил, которого в годы гражданской войны требовала работа по организации управления хозяйством и военная работа, проведение формальных признаков членства союза (личное заявление при вступлении в союз, правильная регистрация членов союза, единообразный членский билет), естественно, отходило на второй план. Ясно, что при таком положении дел обязательное членство не заключало в себе никаких элементов принуждения. Несколько сходственное положение существует в тех предприятиях в Западной Европе и Америке, в которых предприниматели—согласно договора с союзом,—не имеют права принимать не членов союза. Поступление на работу в такое предприятие означает и механическое вступление в союз. То, что в капиталистических странах относится к отдельным предприятиям, в Советской республике, в период гражданской войны, было распространено на всю государственную промышленность. Ясно, что с переходом государства на новую экономическую политику перед союзами встала необходимость углубления обслуживания трудовых и бытовых нужд членов союзов и усиления массовой воспитательной работы,—отсюда и формы союзного членства, существовавшие до того, должны были отойти в прошлое.

Противники революционного профдвижения представляют дело так, будто мы имели в это время распад и разложение революционных союзов. В упомянутой уже выше брошюре С. Шварц, выхватывая отдельные места из заметок, появившихся в „Труде“ в начале 1922 года, т.-е. как раз во время перехода союзов на новые рельсы, пытается доказать, что союзы Советских республик, в период гражданской войны, представляли безжизненные, казенные, оторванные от масс организации.

Этот вопрос имеет огромное значение, ибо без правильного представления о действительном состоянии союзов того времени понять дальнейшее развитие профдвижения в Советской республике почти невозможно. Мы, поэтому, считаем необходимым привести здесь слова тов. Томского, на которого ссылается и автор упомянутой брошюры. „Направление деятельности профессионального движения — писал тов. Томский (оценка его относится ко времени перехода союзов на новые рельсы)—целиком вытекало из обстановки, из условий и из характера деятельности профессиональных союзов и вполне соответствовало общим задачам и направлению деятельности профессионального движения предшествующего периода. Конечно, в тех условиях, в которых жили и работали профессиональные союзы, данная организационная политика приобрела много отрицательных черт: известную бюрократичность, развитие канцелярщины, стеснение самодеятельности и инициативы низших организаций. Но за этот период, даже в организационной области, профсоюзами проделана колоссальная работа. Все профессиональное движение охвачено стройностью межсоюзных организаций. Цеховщина изжита, пестрота организационных форм профессионального движения, ведомственные, цеховые и кастовые союзы уступили место двум десяткам крупных всероссийских об'единений. Проделана работа, которая потребовала бы десятилетий и, конечно, без ошибок она проделана быть не могла [1]).

Были ли в это время союзы действительно „казенными“ организациями, не знавшими и не откликавшимися на нужды масс? Вот как описывает тов. Зиновьев работу союзов в этот период: „У нас в Петербурге, во Дворце Труда, где помещаются все профессиональные союзы, ведется статистика посещений этого Дворца Труда. Статистика эта показывает, что за день приходит в профессиональные союзы в среднем более 5-ти тысяч людей, доходит до 6-ти тысяч, не считая входящих по посторонним делам. Зачем они ходят? Один идет за прозодеждой, другой по поводу тарифа, третий по поводу сверхурочных работ; старушка, мать рабочего, ходит в свой союз по поводу похорон, по поводу трудового пайка и пр.; иной идет за тем, чтобы получить право переезда в другой город или свести в больницу больного ребенка. Иные жалуются на фабрично-заводский комитет, другой доказывает, что надо сменить директора завода или

[1]) М. Томский. „Профессиональные союзы на новых путях“. Издание ВЦСПС, 1923 г.

его помощника и т. п. Если взглянуть с точки зрения бюрократической, иной умник скажет: разве это правильный союз?—Тут нет делегатских собраний, тут нет еще ничего организованного, где тут фабрично-заводский комитет, где стройная организационная иерархия? Да, этого нет! Но 6 тысяч человек, которые ежедневно с фабрик и заводов приходят в свой союз по мелким и мельчайшим делам и из которых многие, быть может, не слышали никогда слова „коммунизм", теснейшими узами связываются с профессиональными союзами. В этом, между прочим, и состоит, хотя бы отчасти, профессиональный союз нашего времени, и это и называется ходить, как это ни странно покажется на первый взгляд, в школу коммунизма" [1]).

Мы видим, таким образом, что ни о каком распаде и разложении союзов, даже в самые трудные моменты их работы, не может быть и речи.

---

[1]) Г. Зиновьев. „О роли профессиональных союзов". Государственное издательство. 1921 г. Петербург.

III. Новые задачи союзов

Необходимость изменения характера и организационных форм работы союзов выявилась с полной ясностью в самом начале 1922 г. Состоявшийся в то время II пленум ВЦСПС (16—19 февраля 1922 г.) установил новые формы и задачи союзов.

Сущность последних заключалась в том, как мы уже отмечали выше, что союзы должны были перенести центр тяжести своей работы из организационно-хозяйственной области на защиту интересов членов союзов и на всемерное углубление воспитательной работы среди союзных масс. При этом основные принципы профдвижения, определявшие отношение союзов к Советскому государству, как к аппарату, осуществляющему диктатуру пролетариата, остались неизмененными и непоколебленными. „В обстановке диктатуры пролетариата и Советского государства—читаем мы в постановлениях II пленума ВЦСПС — профессиональные союзы, независимо от изменения их тактики, определяемой в каждый данный момент общей совокупностью экономических условий, должны целиком и полностью, всем своим влиянием и аппаратом, поддерживать диктатуру пролетариата и ее органы, работая над их укреплением и идя с ними рука об руку в деле строительства народного хозяйства и всего рабоче-крестьянского государства [1]).

Это совершенно ясное постановление показывает, что союзы ни на один момент не думали отмежевываться от Советского государства. Наоборот, укрепление рядов своих организаций и поднятие их боеспособности они мыслили лишь при условии совместного с государством разрешения обще-классовых задач пролетариата.

Полным извращением действительного хода развития профдвижения Советских республик, поэтому, является толкование безответственных писателей из реформистского

[1]) Резолюции II пленума ВЦСПС. Москва, 1922 г.

лагеря, будто вместе с переходом к новым формам и задачам изменены были и основные принципы революционного профдвижения.

Так именно рисует положение дел С. Шварц.

„Все здание традиционной коммунистической идеологии профессионального движения — пишет он — распалось до основания. Большинство работников профессионального движения, в том числе и коммунистические руководители союзов, однако, еще не сознавали, что речь идет о радикальном изменении всей политики профессионального движения, связанной с пересмотром основных принципов, на которых до того строилось профессиональное движение".

Автор пытается представить дело так, будто различие между старым и новым курсом в работе союзов заключалось в том, что до новых задач союзы защищали, главным образом, интересы государства, не обращая внимания на интересы рабочих, после же перехода на новые задачи, союзы, наоборот, начали защищать интересы рабочих, не интересуясь общим положением государства. Тут ложное освещение как старых, так и новых задач союзов. Профсоюзы Советских республик никогда не отделяли интересов Советского государства от интересов союзов, ни в старых, ни в новых условиях.

В этом-то и заключается существенное отличие революционных союзов Советских республик от союзов капиталистических стран: там союзы „должны решительно и беспощадно бороться против данной государственной власти, за ее свержение, идя во главе рабочего класса, борясь за захват власти угнетенными классами, за диктатуру пролетариата" [1]), у нас же наоборот.

Мы уже видели, что в самое тяжелое для Советской власти время перед союзами стояла основная задача — предотвратить разрушение промышленности и распыление рабочего класса. Речь шла о самом существовании пролетариата и промышленности, и революционные союзы именно сюда направили все свое внимание. Фарисейством, поэтому, звучит утверждение, что союзы в этот период ничего не сделали для улучшения положения рабочего класса, ибо фактически речь шла тогда о жизни и смерти всего пролетариата. Основное различие между старым и новым положением в союзах заключается именно в том, что в новых условиях самое основное—существование промышленности и рабочего класса было обеспечено, и государство,—весь рабочий класс

---

[1]) Резолюции II пленума ВЦСПС.

в целом,—получило возможность перенести силы и средства с военных фронтов в область строительства хозяйства.

Только в этих условиях союзы оказались в состоянии приступить к действительному обслуживанию нужд своих членов и к углублению работы профессиональных организаций.

С переходом к новым задачам союзы изменили, таким образом, не основные принципы революционного профдвижения, а лишь *характер, формы и методы* обслуживания интересов рабочего класса, начиная с насущных вопросов регулирования заработной платы и кончая культурно-просветительной работой.

Во второй своей работе („Заработная плата и политика заработной платы в России") Шварц, забыв то, что он говорил в первой своей брошюре, меланхолически замечает: „Это (т.-е. новый курс в профдвижении.—*А. А.*) продолжалось, однако, недолго. Руководители профессионального движения скоро освоились с новым положением (т.-е. условиями новой экономической политики.—*А. А.*) и вернулись на прежний путь". Где же тут „радикальное изменение всей политики профдвижения", о котором с таким злорадством возвещал нам автор? Где „распад традиционной коммунистической идеологии профдвижения"? Где, наконец, „пересмотр основных принципов"?

Все это рассеялось, как дым, и злейшие враги революционного профдвижения вынуждены теперь признать, что новая экономическая политика не повлияла на основные принципы революционного профдвижения, что революционное профдвижение выдержало испытание и осталось крепко стоять на прежнем пути.

В чем же корень столь резких противоречий у врагов революционного профдвижения? И где причины столь быстрой смены их аргументации? Они кроются в том, что они *лгали*, когда представляли дело так, будто революционное профдвижение потеряло основу и пошло по пути реформизма, *и лгут теперь*, когда пытаются приписать революционным союзам попытки ущемления интересов рабочих масс, задержания роста заработной платы и т. д. Стремясь оклеветать российские союзы, враги революционного профдвижения хватаются за первое попавшееся оружие, не разбираясь в средствах,—вот почему они неизбежно впадают в смешные и бьющие в глаза противоречия. Автор, повидимому, сам понимает неловкость своего положения: в предисловии к своей второй работе он предупреждает тех читателей, которые „относятся с недоверием ко всякому критическому

освещению положения в России", и заверяет их, что он будет подкреплять все приводимое им фактами и данными из русских же источников. Шварц так и поступает: он приводит данные из русских источников, но.... толкует их клеветнически ложно. На это амстердамцы—мастера.

С переводом промышленности на начала хозяйственного расчета, когда положение каждого отдельного предприятия и каждой отрасли промышленности стало зависеть от целого ряда условий, и прежде всего от условий сбыта продукции на вольном рынке, прежние централизованные формы регулирования зарплаты, установление ставок из центра, в одинаковом размере для всех предприятий,—оказались негодными и должны были быть заменены новыми.

Союзы начали переходить на регулирование зарплаты путем коллективных договоров, заключаемых между отдельными хозяйственными органами и заводоуправлениями, с одной стороны, и союзами—с другой. В связи с этим потребовалось установление в законодательном порядке минимума зарплаты.

В области организационной, новые задачи союзов, прежде всего, коснулись вопросов членства и порядка взимания членского взноса. Механическое зачисление в союз, отсутствие точного оформления членства, взимание членского взноса без ведома члена союза через контору предприятия—все это отжило свой век. „В настоящий день—говорится в постановлениях II пленума ВЦСПС,—когда перед союзами стоят задачи, которые могут быть выполнены лишь при условии крепкой спайки между каждым членом союза и его органами, следует неуклонно стремиться к восстановлению в полной чистоте порядка добровольного членства".

Вместе с тем перед союзами выдвигалась задача предоставления отдельным союзным организациям большей самостоятельности в их работе и избавления их от мелочной опеки высших союзных органов, так как излишний формализм в профсоюзах происходил, главным образом, на почве централизации союзной работы. Это стремление нашло свою оценку во время того же пленума ВЦСПС 1922 г., который указал на необходимость отказаться от попытки „зажать каждую профессиональную организацию в тиски циркулярных распоряжений сверху, предусматривающих и предопределяющих все формы и виды союзной деятельности во всякий момент их существования". (Из резолюций II пленума ВЦСПС).

Предоставление отдельным союзным организациям большей самостоятельности отнюдь не означало, однако, общего

ослабления руководства профсоюзами со стороны центров профдвижения. Считая вредной излишнюю централизацию, тормозящую работу местных союзных организаций, союзы в то же время усилили *ответственность* всех союзных органов как перед массами, так и перед выше стоящими союзными органами.

В начале 1922 года новые задачи существенно изменили характер и формы союзной работы, соответственно новым хозяйственным отношениям в условиях НЭП'а. Эти формы союзной работы, оказавшиеся вполне жизненными, целиком оправдали себя. С небольшими изменениями они сохранились до сих пор.

IV. Численный состав союзов в новых условиях

Быстрый рост профессиональных союзов Советских республик, в течение нескольких лет об'единивших миллионы рабочих и служащих, продолжался непрерывно вплоть до средины 1921 года. К этому времени общее число членов союзов составляло 8.453.000 (в круглых цифрах). Этот рост численности союзов происходил в обстановке обостренной гражданской войны и отвлечения больших кадров рабочих на внешние фронты. Промышленность переживала огромные трудности, и производство во многих случаях упало до 5—10% довоенного уровня. Тяжелое продовольственное положение промышленных центров заставляло рабочих устремляться в деревни, где условия жизни в это время были более благоприятны, чем в городе. При этих условиях численный рост союзов шел не за счет производственных рабочих, а, главным образом, за счет работников, занятых в обслуживающих отраслях хозяйства, и лиц, обслуживающих непосредственно государственный аппарат. На это обстоятельство революционные союзы отнюдь не закрывали глаза. В самом начале 1921 года, тов. Зиновьев указывал, что для оценки работы союзов необходимо учесть изменение социального состава рабочих на фабриках и заводах. „Это изменение—говорил он—страшно неблагоприятно отразилось, в первую очередь, именно на работе профсоюзов. Вы знаете, что социальный состав рабочих даже в столицах сильно изменился к худшему. Социальный состав изменился в первую очередь в том отношении, что женщины стали вытеснять рабочих мужчин. Данные по Петрограду, например, показывают, что за короткое время число взрослых рабочих мужчин, которое раньше было равно 65%, упало до 41%. Число женщин взрослых с 25% поднялось до 41%. Это составляет сверхкомплектную трудность и для профдвижения [1]).

[1]) Г. Зиновьев. „О роли профессиональных союзов". Государственное Издательство. Петроград, 1921 год.

На быстрый рост численности союзов оказывал несомненное влияние также и порядок распределения продовольствия, применявшийся в это время в Советском государстве. Сосредоточив в своих руках все продовольственные рессурсы, Советское государство распределяло их бесплатно по системе классового пайка, т.-е. предоставляло усиленное продовольственное снабжение рабочим и служащим, как выполнявшим наиболее нужные для государства работы. Это вызвало большой приток служащих в государственные учреждения и в обслуживающие отрасли хозяйства (транспорт, коммунальные учреждения) и привлекло в производство много лиц, ранее не связанных с ним.

Профсоюзы сильно разбухли и в течение одного года увеличили свой состав почти вдвое: с 4.227.000 ко времени III с'езда профсоюзов в апреле 1920 года, до 8.453.000 к 1-му июля 1921 года. Между тем, число рабочих, занятых в фабрично-заводской промышленности, в эти годы падало, и к концу 1921 года достигло своего минимума, как видно из следующих цифр:

Число рабочих, занятых в фабрично-заводской промышленности (не включая транспорта и мелких предприятий):

Г О Д Ы.	Число рабочих в тысячах.	Процент в отношении к 1913 г.
1913 г.	2.598,6	100
1919 „	2.035,3	78,3
1921 „	1.228,6	47,2
1922 „	1.288,8	49,6 [1])

Эти цифры ясно показывают, что увеличение численности членов союзов в 1920—21 годах было вызвано вовлечением в работу в государственных учреждениях и предприятиях целого ряда лиц, ранее не участвовавших в производстве и не работавших по найму и теперь прикрывавшихся службой и союзным членством в целях использования тех преимуществ, которые Советское государство давало лицам, работающим по найму.

---

[1]) „Народное хозяйство СССР в цифрах". Издание ЦСУ. Москва. 1924 г.

Этот процесс роста числа работников государственных предприятий и учреждений и числа членов союзов продолжался до середины 1921 года, после чего начинается падение числа членов союзов. Последнее было вызвано введением новых форм управления промышленностью, переводом промышленности на хозяйственный расчет и начавшимся сокращением аппарата государственных учреждений. В это время началось постепенное укрепление промышленности и увеличение числа рабочих, непосредственно занятых в фабрично-заводской промышленности. Таким образом, процесс, начавшийся с середины 1921 г., шел в двух направлениях: во-первых, в сторону уменьшения общего числа членов союзов и общего числа лиц, занятых на работе по найму, во-вторых, в сторону увеличения числа промышленных рабочих. Этот процесс сказался уже к концу 1922 года, как видно из следующих цифр:

	Состояло членов в тысячах.		Осталось членов в %% к прежн. числу.
	На 1-е июля 1921 г.	На 1-е окт. 1922 г.	
По промышленной группе . . .	3.141	1.779	56,6
% ко всему числу член. союзов	37,1	39,2	—
По остальным союзам	5.312	2.757	51,9
% ко всему числу член. союзов	62,9	60,8	—
Всего	8.453	4.556	53,8

На уровне, достигнутом в октябре 1922 года, союзы задержались на 3—4 месяца и в начале 1923 г. число членов союзов начало снова медленно возрастать, составив на 1-ое апреля 1923 года 4.828.000 членов, а на 1-е июля 1923 года 5.054.000. Движение членов союзов после октября 1922 года представляется в следующем виде:

	Состояло членов в тысячах:				
	На 1 окт. 1922 г.	На 1 янв. 1923 г.	На 1 июля 1923 г.	На 1 янв. 1924 г.	На 1 окт. 1924 г.
По промышленной группе	1.779	1.911	2.282	2.359	2.790
% к числу на 1 окт. 1922 г.	100	107,4	128,3	132,6	156,8
По остальным союзам . .	2.787	2.504	2.772	3.262	3.640
% к числу член. на 1 окт. 1922 г.	100	90,8	99,4	117	130,5
Всего	4.556	4.415	5.054	5.621	6.430

Как мы видим из этих цифр, за время от конца 1922 г. рост числа членов профсоюзов продолжался непрерывно, при чем рост числа членов союзов промышленной группы обгонял рост числа членов остальных союзов.

Следует указать, что процент женщин в союзах за указанный период (от октября 1922 г. до октября 1924 г.) не подвергся значительному изменению: на 1-ое октября 1922 г.—28,8%, на 1-ое января 1924 г.—26,7%. По промышленной группе падение несколько более значительное: по этой группе число женщин на 1-ое октября 1922 г. составляло 28,3%, а на 1-ое января 1924 г.—24%. Падение, таким образом, не очень большое, однако, оно все же имеется и указывает, что в связи с безработицей часть женщин вытесняется из производства.

Указанные данные дают достаточно ясную картину перегруппировок, происшедших в среде рабочего класса и в составе членов союзов после перехода на новую экономическую политику. Они служат наглядным и бьющим в глаза опровержением тех клевет, которые раздавались по адресу русских союзов в связи с падением числа членов в них со второй половины 1921 г. Мы видим из дальнейшего развития профсоюзов, что уменьшение численности союзов в конце 1921 г. и в первой половине 1922 г. отнюдь не свидетельствовало о потере союзами влияния и доверия рабочих масс, а являлось целиком результатом тех внутренних перегруппировок, которые произошли в рабочем классе, и тех новых

V. Добровольное членство и индивидуальное взимание членских взносов.

Новые задачи, вставшие перед союзами в условиях новой экономической политики, с еще большей силой требовали углубления и расширения связи союзов с широкими рабочими массами и выявления самодеятельности членов союзов. Для этого прежде всего необходимо было изменить порядок союзного членства.

Мы уже видели, что порядок зачисления в союз в период гражданской войны соответствовал особым условиям развития профессионального движения в России после февральской революции: лихорадочный темп строительства и роста союзов делал индивидуальное зачисление почти невозможным. После того, однако, как профессиональные союзы охватили всю толщу рабочих масс, коллективное членство потеряло свое первоначальное значение, как облегчающий метод охвата профессиональными организациям рабочих масс,—оно стало тормозом на пути усиления связи союзов с массами и на пути выявления самодеятельности рабочих масс.

„В настоящий день—постановил II пленум ВЦСПС, состоявшийся 16—19 февраля 1922 г.,—когда перед союзами стоят задачи, которые могут быть выполнены лишь при условии крепкой спайки между каждым членом союза и его органами, следует неуклонно стремиться к восстановлению в полной чистоте порядка добровольного членства“ [1]). Союзы не могли не предвидеть, что переход на добровольное членство является длительным процессом, требующим значительного напряжения сил со стороны союзов. Поэтому пленум ВЦСПС признал, что, впредь до полного проведения добровольного членства, необходимо провести систему коллективного членства. „Массе членов, об'единяемых союзом в пределах каждого предприятия и учрежде-

[1]) Резолюции II пленума ВЦСПС. Издание ВЦСПС. 1922 г.

ния—постановил II пленум ВЦСПС, — должно быть предоставлено право свободно выразить свою волю о желании или нежелании вступить в союз. Следует решительно отвергнуть подмену воли большинства предприятия по вопросу о поголовном вступлении в союз, постановлениями вышестоящих организаций, как-то: конференций фабзавкомов, губернских, всероссийских с'ездов данного союза и т. п.". На систему коллективного членства союзы смотрели лишь как на промежуточный этап на пути к установлению полного добровольного членства.

Кампания добровольного членства, проведенная по всем союзам и по всей территории Советских республик, дала результаты, обнаружившие со всей наглядностью огромное влияние союзов в рабочих массах. Это видно из следующих данных, относящихся к 15-ти губерниям.

Результаты кампании добровольного членства по 15-ти губ.

ГУБЕРНИИ.	Процент вступивших в союз.
Нижегородская	100
Саратовская	100
Киевская	100
Новониколаевская	99
Донбас	99
Тамбовская	98
Ленинградская	98
Баку	98
Юго-Восточное Бюро (6 губ.)	98
Тульская	97
Тюменская	97
Запорожская	96
Одесская	96
Тверская	94
Псковская	92 [1]

[1]) Отчет ВЦСПС с мая 1922 г. по август 1922 г. Издание ВЦСПС 1922 г.

Случаев отрицательного отношения к вступлению в союз со стороны общих собраний не встречалось ни разу. Лишь отдельные небольшие группы работников, принадлежащие, главным образом, к администрации или крестьянским элементам, отказались от вхождения в союз. Отчет ВЦСПС отмечает, что „сплошь и рядом постановления об индивидуальном членстве являлись испытанием для элементов, чуждых интересам рабочего класса. Выходили почти исключительно лица, принадлежащие к администрации или крестьянские элементы. В Донбасе кое-где замечался среди металлистов выход мастеров". В Томском союзе совработников проявлены тенденции к цеховщине: кооперативные служащие выявили желание организовать самостоятельный союз. В Екатеринбурге такие же тенденции выявились среди бухгалтеров. Этими отдельными фактами, по существу говоря, и исчерпываются все случаи уклонения от союзного членства. Среди основной массы промышленных рабочих, кампания добровольного членства прошла без всяких заминок и показала подлинное классовое понимание огромного значения союзных организаций.

Вслед за кампанией добровольного членства, союзы приступили к организационному оформлению его и к проведению перерегистрации. Помимо стремления к более прочному сплочению членов союзов и к проведению грани между ними и не членами союзов, перерегистрация имела еще целью очистить ряды союзов от тех элементов, которые, в связи с новой экономической политикой, порвали с производством и продолжали цепляться за союзное членство лишь для использования льгот, предоставлявшихся членам союзов. В результате перерегистрации, в отдельных местах наблюдалось значительное уменьшение числа членов союзов. Это видно из соответствующей таблицы помещ. на стр. 30.

Не следует думать, что *все* число не вошедших в союзы после перерегистрации было *исключено* из союзов, как элементы, союзным организациям чуждые, хотя количество последних и было весьма значительно. Очевидно, здесь играла роль и неудовлетворительность общего учета членов союзов, имевшая место до перехода на добровольное членство. Это обстоятельство подчеркивает и отчет ВЦСПС, приводящий пример томской организации, где по 12-ти союзам числилось до перерегистрации 5.621 членов, из которых 1.162 человека вовсе не прошло перерегистрации, т.-е. не вступило в союз и не об'явило о своем уходе. Очевидно, мы имели здесь дело с членами, состоявшими в союзе лишь на бумаге, а на деле, может быть, и вовсе не существовав-

шими. Неудовлетворительность постановки учета об'ясняется сложностью обстановки в эпоху гражданской войны.

Результаты перерегистрации к июню 1922 г. по 9-ти губ.

МЕСТНОСТЬ.	Количество членов при коллективном членстве.	Количество членов союза, вступивших в союз добровольно.	На сколько меньше.	% перерегистрации.
Тверская губ.	85.988	79.792	6.196	92,8
Воронежская „	80.121	73.561	6.560	91,7
Псковская „	67.351	45.561	21.790	67,6
Новгородская „	90.898	67.082	23.816	73,8
Череповецкая „	51.680	25.916	25.764	50,1
Олонецкая „	33.918	18.910	15.008	55,6
Каркоммуна.	18.237	12.814	5.423	70,3
Мурманская губ.	7.898	6.044	1.854	76,6
Петроградская „	474.739	254.848	219 891	53,7 [1]
Итого. . .	910.720	584.528	326.302	63

Порядок союзного членства определяет методы и формы взимания членского взноса. При коллективном членстве, членские взносы механически высчитывались из зарплаты администрацией предприятия и передавались союзу. Теперь предстояло изменить этот порядок и перейти на индивидуальное взимание членского взноса. В сущности, кампания добровольного членства и перерегистрации, проведенная союзами в середине 1922 г., являлась лишь подготовитель-

[1]) Отчет ВЦСПС с мая 1922 по август 1922 г. Издание ВЦСПС, 1922 г.

ным мероприятием к переходу на индивидуальное взимание членского взноса, которое, со своей стороны, являлось методом усиления связи союзов с массами.

V с'езд профессиональных союзов, состоявшийся в Москве 17—22 сентября 1922 года, говорит по этому поводу следующее: „Членские взносы должны служить не только средством существования союзов, но также и одним из методов связи союзов со своими членами. Лучшей формой связи является персональное получение членских взносов, производимое через фабзавкомы или уполномоченных. Союзы должны разработать целый ряд конкретных мероприятий, облегчающих переход к единоличному внесению членских взносов. Исключения из этого порядка могут быть допущены лишь при наличии технических затруднений“ [1]).

Индивидуальное взимание членского взноса представляло не мало трудностей, ибо требовало, с одной стороны, уточнения работы всех низовых союзных ячеек, начиная от завкома, улучшения их аппарата, с другой — выявления активности самих союзных масс, — поэтому этот процесс затянулся на долгое время. Лишь через полтора года, т.-е *на 1-е января 1924 г.*, он был проведен и то лишь в отношении *76,3%* членов союзов, что видно из таблицы, помещенной на стр. 32.

В настоящее время индивидуальное взимание членского взноса следует считать в основном проведенным, и перед союзами стоит теперь задача распространить этот способ и на все прочие отчисления членов союзов (в фонд помощи безработным, в кассу взаимопомощи и т. д.).

Для определения влияния союзов на массы, основное значение *имеет число организованных рабочих* в сравнении с общим числом лиц, занятых в производстве. В этом отношении союзы Советских республик пошли дальше, чем союзы всех других стран, ибо здесь число неорганизованных рабочих („диких“) крайне незначительно—меньше, чем в любой другой стране. На 1-ое января 1924 г. оно составляло не более 8%. Полную картину соотношения организованных и не организованных рабочих в Советских республиках дает таблица, помещенная на стр. 33.

[1]) Стенографический отчет V всероссийского с'езда профессиональных союзов. Издание ВЦСПС, 1922 г.

С О Ю З Ы.	Число членов союзов. Всего в тысячах.	В том числе платящих членские взносы.	% членов союзов индивид. платящих членские взносы.
Кожевники	89	88	99,0
Медсантруд.	337	321	95,2
Железнодорожники	763	726	95,0
Нарсвязь	99	93	94,1
Металлисты	529	447	90,1
Сахарники	51	46	90,1
Комхоз	175	158	90,0
Рабпрос	498	448	90,0
Деревообделочники	118	106	89,6
Нарпит	80	64	80,0
Совработники	691	553	80,0
Местный транспорт	141	111	79,0
Химики	164	128	77,8
Пищевики	257	183	71,1
Печатники	78	55	70,0
Строители	208	146	70,0
Водники	124	83	66,7
Швейники.	54	32	59.6
Бумажники	27	13	49,2
Горнорабочне	290	136	46,9
Рабземлес	279	98	35,0
Текстильщики	494	168	33,8
В с е г о	5.546	4.233	76,3 [1]

[1]) Профессиональные союзы СССР. Издание ВЦСПС, 1924 г.

Процент членов союзов среди работающих с 1-го января 1923 г. по 1-ое января 1924 г.

С О Ю З Ы.	На 1-ое января 1923 г.	На 1-е июля 1923 г.	На 1-ое января 1924 г.
Рабземлес	95,9	90,9	86,6
Бумажники	97,2	93,9	92,9
Горнорабочие	86,0	88,5	88,4
Деревообделочники	82,2	78,8	83,5
Кожевники	92,7	95,0	94,1
Металлисты	92,1	90,2	93,3
Печатники	98,6	98,9	98,0
Пищевики	96,0	95,3	94,0
Сахарники	89,7	39,1	51,9
Строители	92,6	92,2	92,8
Текстильщики	99,0	97,4	97,6
Химики	94,7	94,6	93,8
Швейники	98,8	97,8	95,4
Водники	91,5	93,6	96,7
Железнодорожники	91,7	95,5	95,2
Местный транспорт	95,9	97,1	96,7
Нарсвязь	97,3	98,7	98,2
Рабис	96,0	95,7	94,8
Медсантруд	95,8	96,5	96,4
Просвещение	91,5	91,4	90,6
Совработники	89,2	85,2	87,6
Комхоз	93,7	94,8	95,1
Нарпит	97,0	96,3	91,1
Всего	93,2	91,2	92,0

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

Эта таблица (на стр. 33) показывает некоторое увеличение неорганизованных рабочих в течение 1923 года — с 6,8% до 8%, которое целиком об'ясняется политикой союзов в отношении *очистки* своих рядов от элементов, слабо связанных с производством, а, следовательно, и с союзной организацией. Проводя жесткую линию укрепления своей дисциплины, союзы за это время исключили из своих рядов значительное число членов, не сняв их, однако, с работы. В дальнейшем, союзы стали на путь более осторожного отношения к исключениям: они признали, как общий принцип, необходимость предварительно испробовать всевозможные меры воспитательного характера.

Рассматривая состав неорганизованных рабочих, мы видим, что большинство их находится в союзах деревообделочников, сахарников и совработников. В первых двух союзах неорганизованные составляются из сезонных рабочих, главным образом, полукрестьян; в союзе же совработников неорганизованные относятся к группе рабочих в военных и подобных им учреждениях. Таким образом, по существу число неорганизованных рабочих еще меньше 8%.

Мы видим, что союзы Советских республик полностью охватили рабочий класс; провели до конца добровольное членство и индивидуальное взимание членского взноса. Приведенные выше цифры, взятые из официальных отчетов ВЦСПС, дают ясную картину того глубокого влияния, которым союзные организации пользуются в рабочем классе, и той активной деятельности, которую они развили в деле организации рабочих масс.

VI. Финансы союзов

В цитированной нами уже брошюре С. Шварца, автор, стремясь опорочить профсоюзы Советских республик, пишет: „В 1920 г. все поступления ВЦСПС составляли 221.725.294,55 рублей, из которых 205 миллионов были получены от Комиссариата Труда и около 16 миллионов поступлений от членских взносов. Это значит, что 92,5 процентов всех поступлений брались профессиональными союзами из государственной казны и только 7,5 процентов покрывались членскими взносами". „В 1921 г.— указывает он далее,— положение было еще безотраднее, и поступления ВЦСПС составляли: от Народного Комиссариата Труда — 97,4%, от хозяйственных органов 2,5%, поступления от членских взносов 0,1%". Факт получения финансовых средств союзами от государства автор пытается рассматривать, как неопровержимое доказательство „бюрократичности и казенности" союзных организаций Советских республик.

Этим он лишний раз показывает, что, во-первых, в российском профессиональном движении ничего не понимает и, во-вторых,— что им руководит не побуждение об'ективного исследования действительного положения дел, а стремление максимально опорочить революционные союзы в глазах широких рабочих масс капиталистических стран.

Кто действительно интересовался профдвижением в Советских республиках, мы это уже отметили выше, тот знает, что наши профсоюзы *никогда* не отделяли своих задач от задач пролетарского государства, а в период гражданской войны, когда перед рабочим классом Советских республик стояли особенно большие трудности, профсоюзы взяли на себя непосредственное выполнение ряда государственных задач. При таких условиях, принятие на себя государством, почти целиком, содержания профсоюзов не представляло ничего противоречащего основным задачам профсоюзов. Автор из лагеря амстердамцев, спекулируя на

отвращении рабочего класса к буржуазному государству, делает вид, будто он не понимает, что между пролетарским и буржуазным государством есть существеннейшее различие и что если для профсоюзов позорно и недопустимо брать средства на свое содержание от буржуазного государства,— то в условиях Советского государства, осуществляющего диктатуру пролетариата,— это вполне возможно, а часто и целесообразно.

Из сказанного выше мы знаем, что формы работы союзов в условиях гражданской войны целиком определялись теми общими условиями, в которых в это время находилось Советское государство, и что они полностью соответствовали основным и жизненным интересам пролетариата в этот период. Несмотря на многие отрицательные стороны этих форм работы, союзы успели проделать огромную организационную работу и прочно завоевать доверие масс.

С переходом на новые задачи—в начале 1922 г.— союзы поставили себе целью постепенно перейти на существование за счет своих членских взносов. „Нужно с полной ясностью сознать—говорится в постановлениях II пленума ВЦСПС в феврале 1922 г.,—что при существующем положении, когда от союзов отпадает целый ряд функций государственной власти, профсоюзы должны от политики существования, главным образом, на счет государства (союзы, таким образом, отнюдь не скрывали, что они получали средства от государства.—*А. А.*), перейти к новой союзной финансовой политике, к существованию исключительно на членские взносы. Это потребует экономии, точности и аккуратности в расходовании союзных финансов и в выполнении ниже стоящими союзными организациями своих финансовых обязанностей в отношении к вышестоящим союзным органам".

Для проведения новой финансовой политики союзов большое значение имел порядок индивидуального взимания членских взносов, на основе добровольного членства. Значения этого общеизвестного факта автор брошюры—амстердамец С. Шварц, мнящий себя знатоком российского профессионального движения, совершенно не понимает. Он пишет: „На пленуме ВЦСПС в феврале 1922 г. по этому вопросу (финансовому.—*А. А.*), как и по вопросу о союзном членстве, было принято постановление: „По постановлению общего собрания рабочих и служащих предприятия и учреждения, взимание взносов может быть произведено через контору предприятия или учреждения при выдаче заработной платы". Взимание членского взноса через контору пред-

приятия стало теперь (!) общим правилом. Легко себе представить всю абсурдность этого положения,—предприниматель (не только директор государственного предприятия, но и частный предприниматель), в роли кассира профессионального союза". Со слов С. Шварца получается, что II пленум ВЦСПС никаких новых задач союзам не поставил, а закрепил тот путь, по которому союзы шли в период гражданской войны. Больше того, II пленум якобы впервые (теперь!) сделал взимание членского взноса через контору предприятия общим правилом. Но автор, видимо, обладая плохой памятью, забыл, что он говорил шестью страницами раньше: там он доказывал, что профсоюзы в начале 1922 года круто переменили фронт, изменив не только формы и методы работы, но и основные принципы и направление своей деятельности. Он там доказывает, что союзы, после изменения своих задач, в начале 1922 года, стали совсем „добропорядочными" союзами соглашательского типа. Но уже через 7 страниц—на 13-ой стр.—эти же самые союзы в тот же период времени, оказывается, только закрепили свои прежние „казенные" формы работы, от которых они не способны отрешиться. Когда же верить автору? Ни хвале его, ни хуле верить нельзя, ибо он нарочито искажает действительность, чтобы таким образом отвлечь симпатии западно европейских рабочих масс от революционных союзов Советских республик.

На самом деле, II пленум ВЦСПС дал определенную директиву о методах взимания членских взносов: „Наиболее целесообразным способом следует считать взимание членских взносов через *низшие ячейки союза—фабрично-заводской или местный комитет*". При этом пленум признал допустимым в отдельных случаях, при соответствующем постановлении общего собрания, установление коллективного взимания членского взноса, как *временную* переходную *меру*. С. Шварц обнаруживает и здесь полное непонимание вопроса, о котором он пишет, когда он заявляет, что II пленум ВЦСПС сделал шаг к установлению коллективного, а не индивидуального взимания членских взносов. Постановление пленума по этому вопросу говорит: *„Для ближайшего времени*, для большинства союзов *придется* остановиться на системе коллективного взимания членских взносов, собираемых завкомом через заводоуправление". „Для ближайшего времени", следовательно, это только временная форма, причем форма, *вынужденная* обстоятельствами.

После перехода на новые условия работы, финансовое положение союзных организаций начинает понемногу улучшаться. Последнее сказывается, прежде всего, в том, что

улучшается финансовая связь между губотделами союзов и центральными комитетами, устанавливается приток отчислений из периферии в центр. Приводимая далее таблица (см. стр. 39) иллюстрирует быстроту этого процесса.

В дальнейшем, финансовое положение союзов продолжает быстро улучшаться. Особенно благоприятное влияние на финансы союзов имела *денежная реформа* в конце 1923 и в начале 1924 года, положившая конец обесценению денег, имевшему место при неустойчивой валюте. Финансовая устойчивость центральных комитетов союзов, достигнутая ими в последнее время, видна из следующих данных, относящихся к первой половине *1924 года*[1]).

По всем 23 ЦК за первые 6 мес. 1924 года поступило:

Процентными отчислениями	2.609.303 руб.
Субсидиями (Рабземлес и сахарники)	30.775 „
Разными доходами (% по текущ. счет.) и др.	59.840 „
Всего	2.669.918 руб.

Из них израсходовано:

На содержание личного состава	800.209 руб.
Административно-хозяйствен.	256.740 „
Организационные	230.072 „
Отчисления (в фонды и в ВЦСПС)	548.489 „
Субсидии	175.533 „
Разные расходы	128.257 „
Всего	2.139.300 руб.
Осталось	560.618 руб.

Таким образом, остаток по полугодовому бюджету по всем ЦК союзов составляет 20,8% всех поступлений.

Улучшение финансового положения союзов характеризуется также и тем, что доля расходов, приходящаяся на содержание аппарата союзных организаций, постепенно уменьшалась, в то время как доля организационных и других расходов, увеличивалась. Это видно из следующих цифр, относящихся к первой половине 1924 года[2]) (см. с гр. 40).

---

1) Л. Магазинер. Финансы ЦК и губпрофсоветов за первую половину 1924 г. „Вестник Труда“ № 10—1924 г.

2) Там же.

Наименование ЦК.	Число губотделов, приславших отчисления по месяцам (1922 г.).						Число об'единен. ЦК губотделов.	Из них приславшие отчисления.	% отношение к общему числу губотделов.
	Янв.	Фев.	Мар.	Апр.	Май.	Июн.			
Металлисты	4	5	7	7	14	14	76	32	42,0
Строители	1	—	2	5	10	10	86	19	22,1
Деревообделоч. . .	—	—	—	4	9	19	70	28	40,0
Химики	4	9	4	13	17	14	68	53	77,9
Швейники	—	—	1	3	7	8	65	12	18,5
Полиграф. произ. .	—	—	3	4	3	8	88	13	14,9
Совработники . . .	2	3	6	17	30	41	89	60	67,4
Медсантруд	2	1	3	5	12	18	89	27	30,9
Комхоз	—	1	1	3	12	10	89	19	21,3
Нарпит	—	—	—	3	1	2	68	4	5,9
Всего	13	19	27	64	115	44	778	267	33,9 [1]

В среднем, по всем ЦК израсходовано на содержание аппарата 44% всех доходов, на функциональные расходы—26,2%, отчислено в ВЦСПС—9,1% и в оборотный капитал—20,7%.

Местные отделы союзов обнаруживают ту же устойчивость финансового положения. В начале 1924 г. ВЦСПС было произведено два бюджетных обследования местных союзных организаций: одно—за период июнь—сентябрь, другое—за октябрь—декабрь. Эти обследования охватили 428 организаций с общим числом 823.637 членов. Финансо-

---

1) Отчет ВЦСПС с мая 1921 г. по август 1922 г. Издание ВЦСПС. 1922 г.

Наименование ЦК.	Расходы по содерж. аппарата.	Функциональные расходы.
	В процентах к доходам	
Текстильщики	19,7	22,5
Металлисты	31,8	19,8
Совработники	36,6	23,3
Железнодорожники	39,4	33,3
Рабпрос	41,7	23,4
Пищевики	43,7	43,5
Строители	45.6	9,3
Сахарники	46,9	34,5
Нарсвязь	49,7	20,2
Местный транспорт	50,3	21,2
Землес	53,2	39,8
Печатники	53,4	25,8
Нарпит	53,5	5,7
Комхоз	54,0	17,7
Химики	54,8	13,9
Кожевники	57,6	14,8
Медсантруд	62,4	28,6
Швейники	67,0	20,0
Горнорабочие	68,2	42,7
Бумажники	68,8	13,5
Деревообделочники	79,1	10,7
Рабис	80,3	3,6
Водники	88,9	67,6

вое положение их вырисовывается из соотношения расходов с доходами, которое видно из следующих цифр.

Месяцы.	Процентное отношение расходов к доходам.	
	Москва и Ленинград.	Прочие города.
Июнь	46,8	56,2
Июль	38,9	58,5
Август	50,9	61,5
Сентябрь	42,0	78,2
Октябрь	54,9	92,8
Ноябрь	66,6	87,9
Декабрь	58,1	92,1

Как видно из этих данных, местные союзные организации не только полностью покрывают свои расходы за счет своих доходов, но имеют еще остатки. Само собой разумеется, что мы имеем здесь дело только со средними цифрами и что среди общего числа союзных организаций имеется значительное число мелких, сводящих свой бюджет с дефицитом. В общем, все же, финансовое положение местных отделов союзов вполне устойчиво. Быстрый темп нарастания расходов в сравнении с доходами, особенно в провинциальных организациях, во второй половине 1923 г., об'ясняется оживлением союзной деятельности в это время, а также потерями на курсе рубля, вследствие резкого падения стоимости денежных знаков накануне введения денежной реформы. Денежная реформа приостановила нарастание расходов, и финансовое положение союзных организаций стало более прочным.

Финансы союзов служат в значительной степени отражением общего состояния союзных организаций и их деятельности. Успешный переход профсоюзов Советских республик к существованию на свои собственные средства, совершенный в течение сравнительно короткого периода времени, и создание твердой финансовой базы служат наглядным показателем той огромной работы, которую развернули революционные союзы, и того глубокого влияния, которым они пользуются среди масс рабочих и служащих.

VII. Фабзавкомы и делегатские собрания

Успехи революционных союзов Советских республик в деле организационного охвата рабочих масс и всестороннего обслуживания трудовых и бытовых нужд рабочих об'ясняются в значительной степени той ролью, которую в профдвижении России выполняли и выполняют фабзавкомы, как первичные низовые органы, непосредственно связанные с рабочими массами и обслуживающие их ближайшие нужды. После введения новой экономической политики фабзавкомы, соответственно новым условиям, изменили методы и формы своей работы. Раньше, в период обостренной гражданской войны, они занимались, главным образом, вопросамипроизводства и выполняли отдельные функции по непосредственному управлению предприятиями. В новых условиях они обратили главное свое внимание на обслуживание бытовых и трудовых нужд рабочих и на культурно-просветительную работу, ограничив свою производственную работу участием в разрешении плановых вопросов производства и в разработке мероприятий по улучшению общей постановки дела на предприятиях.

В данное время фабзавкомы являются важнейшими органами союзов, осуществляющими постоянную связь с массами и проводящими в массы директивы союзов.

Нет таких вопросов, будь то производственного или бытового характера, с которыми рабочие не приходили бы в фабзавком: тут вопросы норм выработки, заработной платы, желание получить совет об определении ребенка в школу, в ясли или детский сад, жалоба на жилищную неурядицу, на недостаток дров, заявление о рабочем кредите, о недочетах в работе кооперации и т. д. и т. п. — одним словом, в завком рабочие идут со всеми своими нуждами и запросами.

Из основных работ завкома индивидуальное взимание членского взноса выделено в самостоятельную функцию. Мы уже видели, что переход от коллективного взимания член-

ского взноса к индивидуальному продолжался почти два года; произошло это, главным образом, в силу того, что для этого потребовалось значительное усиление работы фабзавкомов. В крупных предприятиях сбор членских взносов производится через особый кадр сборщиков, которые, выполняя это задание в порядке профессиональной работы, одновременно ведут и классово-воспитательную работу: дают ответы на все вопросы рабочих по союзной жизни и способствуют вовлечению членов союзов в активную работу.

Следующей важнейшей работой фабзавкома является наблюдение за выполнением заводоуправлением всех норм законодательства о труде, коллективного договора и всех условий охраны труда. Значительная часть этой работы выполняется расценочно-конфликтной комиссией, составленной на паритетных началах из представителей завкома и заводоуправления. РКК играет огромную роль в жизни предприятия, ибо она выполняет работу, непосредственно затрагивающую интересы всех рабочих и каждого в отдельности, определяет квалификацию и разряд рабочих, устанавливает нормы выработки, рассматривает вопросы приема и увольнения, разбирает жалобы рабочих на неправильные действия администрации, устанавливает правила внутреннего распорядка и т. д. От работы расценочно-конфликтной комиссии зависят условия труда каждого рабочего, — вот почему работа ее *привлекает усиленное внимание всей массы рабочих.* Руководя работой своих представителей в расценочно-конфликтной комиссии, фабзавком рассматривает все связанные с этой работой жалобы рабочих и следит за проведением в жизнь постановлений комиссии. Все это создает постоянную и оживленную связь между фабзавкомом и рабочими и вызывает усиленный интерес со стороны рабочих к деятельности фабзавкома.

Работа фабзавкома, разумеется, неразрывно связана с проведением коллективного договора на предприятии. Постепенно, по мере того, как регулирование зарплаты начало производиться путем договоров, союзы стали применять широкое предварительное обсуждение последних рабочими массами. Коллективные договоры становились все более популярными среди рабочих масс, а поскольку непосредственное наблюдение за проведением договоров осуществляется фабзавкомом, последний на этой почве укрепляет свою связь с широкими массами рабочих.

Фабзавком ведет также большую и многообразную работу *по охране труда* и улучшению быта. Эта работа обычно выполняется комиссией по охране труда, которая работает

под общим наблюдением фабзавкома. Работа этой комиссии весьма сложна и разнообразна и охватывает самые разносторонние нужды рабочих. Вот, например, перечень вопросов, которыми занималась комиссия по охране труда на заводе „Динамо“ в Москве, за время с 24-го августа 1923 г. по январь 1924 года, со слов исследовательницы движения фабзавкомов в России, тов. Панкратовой: выдача спецодежды, спец-мыла, молока (спец-питания), посылка слабых и больных рабочих в санатории и курорты и в дома отдыха, установка заграждений для предупреждения несчастных случаев, улучшение гигиенической обстановки работы путем установления: вентиляторов, вытяжек, баков с кипяченой водой, умывальников, решеток на цементных полах, осмотр рабочих для выяснения количества больных туберкулезом и венерическими болезнями, улучшение работы амбулаторий и детских яслей и т. д. и т. п. [1]).

Культурно-просветительная работа на предприятиях ведется целым рядом культурных учреждений, сосредоточенных обычно вокруг заводского клуба. Клуб является центром всей культурной работы, об'единяющим вокруг себя всех интересующихся рабочих. Культработа ведется, главным образом, на основе самодеятельности. В клубах устраиваются спектакли, вечера, лекции, диспуты, пишутся и редактируются устные газеты, организуются многочисленные кружки по политическим, производственным, профессиональным, литературным и друг. вопросам (хор, драматические и певческие кружки), а также спортивные ячейки и проч. Число кружков при наиболее крупных клубах доходит до 30-ти. Всей работой клуба, как и другой культурно-просветительной деятельностью на предприятии, ведает культурная комиссия, под общим руководством фабзавкома.

Помимо клубной работы, на предприятиях ведется большая работа по анти-религиозной пропаганде. Последняя пропитывает всю культурно-просветительную работу и служит также специальной темой докладов, диспутов, инсценировок и т. д.

Культурная комиссия занимается также распространением обще-профессиональной печати. Ставя себе задачей ознакомление всей рабочей массы с важнейшими фактами политической и профессиональной жизни, культурная комиссия принимает меры к широкому ознакомлению рабочих с содержанием газет и журналов. С этой целью она устраи-

---

[1]) А. Панкратова. Фабзавкомы и профсоюзы в России, в сборнике „Фабзавкомы и профсоюзы“. Издание Профинтерна. Москва. 1924 г.

вает кружки громкого чтения, в состав которых привлекаются рабочие, не умеющие сами читать и разбираться в прочитанном. Руководителями этих кружков являются более развитые и подготовленные рабочие. Кроме того, каждое крупное предприятие имеет свою заводскую (стенную) газету, в которой освещается жизнь предприятия и вскрываются все недочеты и упущения в организации производства и труда. Культурно-просветительная работа на предприятии, рассчитанная на поднятие классового сознания и обще-культурного уровня рабочих масс, занимает очень большое место в работе фабзавкома и служит прекрасным средством выявления самодеятельности рабочих масс.

Наряду со всей этой работой, фабзавком принимает участие в разрешении важнейших вопросов производства, в разработке производственных программ, формировании руководящего хозяйственного органа на предприятии и т. д. Заводоуправление периодически докладывает фабзавкому и общему собранию рабочих все данные о положении предприятия, об обеспеченности сырьем и топливом, о финансовом положении, условиях сбыта, принципах расценки и т. д. При этом фабзавком отнюдь не вмешивается в непосредственное управление предприятием, придерживаясь тех взаимоотношений с заводоуправлением, которые были установлены еще на III с'езде профсоюзов в 1920 году.

В последнее время вопросы производства начали особенно интересовать широкие рабочие массы, и на предприятиях создаются, так называемые, производственные совещания или комиссии для выявления и проработки всего производственного опыта широких рабочих масс и использования его в целях улучшения производства. Непродолжительная практика производственных совещаний показала, что эта форма массовой экономработы может дать хорошие результаты для исправления тех недочетов, которые имеются в постановке дела на предприятиях и для выработки лучших форм организации производства и труда. Задачей производственных совещаний является вовлечение в производственные интересы широких рабочих масс, повышение их активности в деле устранения недочетов на предприятии. Этим должна быть создана массовая база для дальнейшего улучшения производства. Работа эта проделывается с большой настойчивостью и энергией и результаты ее уже сказываются.

Хотя фабзавком является органом союза и в его непосредственные задачи входит, собственно, только обслуживание

нужд членов союза, фактически фабзавком не делает разницы между членами и не членами союза, защищая последних в одинаковой мере, как и членов союза. Проводя подобную политику, фабзавкомы и союзы исходят из того положения, что в лице рабочих, не вошедших еще в союз, мы имеем дело с пролетариями, не дошедшими еще до осознания своих основных классовых интересов. Задача союзов в отношении этих рабочих заключается, именно, в том, чтобы помочь им поскорее усвоить значение элементарных форм организации рабочего класса.

Следует сказать, что такая политика союзов до сих пор целиком и полностью себя оправдала, и число рабочих, стоящих вне союза, все больше и больше уменьшается, представляя ничтожное количество, которое состоит, главным образом, из рабочих-полукрестьян, занятых на сезонных работах.

Помимо тех комиссий, которые под руководством завкома выполняют отдельные отрасли работ по охране труда, культурной работе и т. д., на предприятиях организованы *делегатские собрания* из представителей отдельных цехов и частей фабрики, разрешающие все основные вопросы, стоящие перед фабзавкомом и устанавливающие направление его работы. Делегатское собрание, представляющее как бы расширенный пленум заводского комитета и собирающееся обычно раз в две недели, служит местом всестороннего освещения настроения рабочих и выявления их важнейших нужд. В цитированной уже выше работе о фабзавкомах тов. Панкратова, приводит перечень вопросов, обсуждавшихся на заводе „Динамо“ в Москве с 28 октября 1923 года по 3 е января 1924 года на семи делегатских собраниях. Эти вопросы следующие: кредитование, ненормальная выплата заработной платы, оплата ночных сторожей, оборудование амбулаторий для рабочих, электрификация Симоновки (местность, где находится завод), жилищное положение рабочих „Динамо“, сахарный заем, заготовка дров для рабочих, индивидуальное членство, спец-одежда, инструменты для отдельных мастерских, авансы, отработка и сверхурочные работы, доклады рабочего кооператива, обсуждение коллективного договора и пр. и пр. Существование делегатских собраний нисколько не умаляет значения общих собраний рабочих, являющихся выразителем воли всех рабочих и высшим органом коллектива рабочих на предприятии. Общее собрание обсуждает и разрешает вопросы более важного и принципиального характера. На том же заводе „Динамо“, за время с 7-го ноября 1923 года по 11-е апреля

1924 года, на 12-ти общих собраниях обсуждались следующие вопросы: о работе страх-кассы, о райкоме союза металлистов, об Октябрьской годовщине, об электрификации, о международном положении, о наказе и выборах в Московский Совет, о реализации хлебного займа, о губернском с'езде металлистов, о кассе взаимопомощи, о германских событиях, об открытии трамвая в Баку, утверждение кандидатов Ленинского призыва (РКП), о денежной реформе, о венерическом диспансере, отчет Моссовета, о фонде и значении МОПР'а, доклад о кооперации, доклад о работе завкома, доклад райсовета, задачи РКП, о сберегательной кассе, об огородной комиссии и т. д.

Делегатские собрания имеют огромное значение для вовлечения рабочих в союзные интересы и для выявления активности и самодеятельности масс. Через делегатские собрания удается обычно отобрать кадр наиболее интересующихся и активных рабочих, которые, постепенно втягиваясь в общепрофессиональную работу, становятся резервуаром, из которого союз может черпать активных работников. Делегатские собрания, кроме того, самым тесным образом связывают фабзавком со всеми цехами и отделениями завода и держат завком в курсе всех нужд и настроений рабочих.

Как видно из всего сказанного, советская фабрика, представляющая переходный этап к будущей социалистической фабрике, покрыта густой сетью разнообразных организаций, оформляющих активность масс и направляющих ее по определенному руслу.

Фабзавком, стоя во главе всех этих организаций, осуществляет руководство ими и через их посредство прочно связывается с массами и обслуживает все разнообразные нужды рабочих. В лице фабзавкомов, профсоюзы советских республик имеют важнейшие низовые органы, обеспечивающие глубокое и всестороннее влияние союзных организаций в массах.

VIII. Кассы взаимопомощи

Задачи, вставшие перед профсоюзами Советских республик после введения новой экономической политики и изменения направления союзной работы в сторону обслуживания трудовых и бытовых нужд членов союза, выдвинули на одно из первых мест работу в области взаимопомощи.

Только в самом конце 1921 года, в связи с новыми методами работы союзов, взаимопомощь выявилась как одна из важных отраслей союзной работы. Основные задачи, поставленные тогда перед рабочей взаимопомощью, заключались в облегчении положения рабочих в моменты наиболее острой нужды и вовлечении на этой почве широких масс рабочих в союзные и обще-пролетарские интересы. И та и другая задача может вызвать на первый взгляд ряд недоуменных вопросов. Действительно, разве в советском государстве, где власть находится в руках трудящихся масс, государство не имеет возможности придти на помощь рабочим в случае нужды и не может избавить их от необходимости создания для этой цели своих организаций взаимопомощи? Этот вопрос встал перед союзами в первое время строительства касс взаимопомощи, тем более, что в советском государстве существует государственное социальное страхование, обеспечивающее рабочих в большей мере, чем где-бы то ни было в других странах, и охватывающее все основные моменты нуждаемости рабочих. Ближайшее наблюдение показало, однако, что, несмотря на существование широкого социального страхования, обеспечивающего рабочего на случай болезни, инвалидности, безработицы, старости и т. д., необходимость в рабочей взаимопомощи отнюдь не устранена.

Нельзя закрывать глаза на то, что советское государство не в состоянии теперь настолько широко охватить все нужды рабочих, чтобы сделать излишней взаимопомощь.

Кассы взаимопомощи ведут свою работу совершенно независимо от органов страхования и оказывают свою помощь

рабочим либо в дополнение к той помощи, которую дает страхкасса, либо в тех случаях, когда страхкассами, согласно положения о них, вообще помощь не оказывается. Организационной связи между органами социального страхования и кассами взаимопомощи никакой не существует.

Другая задача касс взаимопомощи, заключающаяся в вовлечении—на почве взаимопомощи—рабочих масс в союзные и обще-пролетарские интересы, тоже вызывает иногда недоумение. Разве союзные организации не обслуживают самых важных, самых жизненных интересов рабочих масс, чтобы еще была нужда во взаимопомощи, как факторе вовлечения масс в союзные интересы? Разве союзы не охватили уже более 90% всей рабочей массы и не добились глубокого влияния на все об'единяемые ими кадры рабочих, чтобы нужно было еще содействие со стороны взаимопомощи? Эти вопросы имеют, несомненно, большое значение и требуют тщательного рассмотрения.

Конечно, союзы охватили уже более $^9/_{10}$ всей рабочей массы и обслуживают самые важные, самые жизненные интересы рабочих масс. Но это вовсе не значит, что вся рабочая масса *однородна*, что она одинаково прониклась уже союзным и обще-пролетарским сознанием, что она одинаково близко подошла и оценила значение союзных организаций. Было бы вредно закрывать глаза на то, что среди всех об'единяемых профсоюзами рабочих масс имеется еще много малосознательных рабочих, далеко не сознавших еще общеклассовых задач пролетариата и всего значения союзных организаций. Укреплять связь союзных организаций с этими группами рабочих, развивая их классовое сознание, возможно, главным образом, на почве их ближайших и простейших нужд. Между тем, профсоюзы, выполняя огромные задачи по организации производства и регулированию труда и быта рабочих, не имеют возможности полностью охватывать все текущие мелкие нужды рабочих и на этой почве укреплять связь масс с организациями. Кроме того, союзы, выполняя столь ответственные функции, должны постоянно выдвигать на первый план обще-классовые интересы пролетариата, что для отсталых групп рабочих не всегда понятно и что иногда охлаждает их интерес к союзу. Для таких рабочих союз является школой коммунизма 2-й ступени, и им для получения необходимой подготовки необходимо пройти первую ступень—кассу взаимопомощи.

Из сказанного нами ясно, что кассы должны быть организацией более широкой, чем союзы, так как они должны вовлечь в свои ряды и те группы рабочих, которые еще не

дошли до сознания обще-классовых задач союзов. Кассы, однако, далеко не сразу сумели выполнить это свое назначение, и охват ими рабочих масс подвигался вперед достаточно медленно. За полтора года,— от середины 1922 г., когда кассы взаимопомощи впервые начали строиться, до 1-го января 1924 года,—кассы охватили в среднем 58% всех членов союзов. Это, конечно, не мало, но все же недостаточно, ибо кассы должны охватить не только всю массу членов союзов, но и тех рабочих, которые еще стоят вне союзов и по своей несознательности не входят в его состав. Результаты работы в области взаимопомощи не во всех союзах одинаковы,—что видно из следующей таблицы, составленной на основании материалов, собранных ВЦСПС по 383 союзным организациям, с общим числом членов союзов в 880.789 на 1-е января 1924 г.

Состояло в кассах взаимопомощи.

НАИМЕНОВАНИЕ СОЮЗА.	Процент участников в кассе к числу членов союза.
Связи	66,85
Швейники	39,2
Текстильщики	66,14
Нарпит.	68,03
Водники	49,2
Кожевники.	47,94
Рабис	46,95
Коммунальники	72,1
Деревообделочники	31,4
Печатники	36,2
Медсантруд	52
Рабпрос	53
Сахарники	91,9
Железнодорожники	66,8

Задачи, стоящие перед кассами, определили характер членства на них, которое проводится на строго *добровольных* началах. Союзные органы не могут в порядке союзной дисциплины понудить членов союза создать кассу взаимопомощи, или вступить в уже действующую кассу, если на то нет добровольного желания самих членов союза. Не обладает также обязательной силой постановление общего или делегатского собрания о вхождении всех рабочих в состав кассы. Каждый рабочий и служащий волен вступать или не вступать в состав кассы взаимопомощи, независимо от имеющихся на этот счет постановлений союзных органов или общего собрания. В таком же строго индивидуальном и добровольном порядке производится и взимание взносов в кассу. Кассы решительно борются со случаями взимания взноса путем вычетов из заработной платы через контору предприятия и т. п.

В начале деятельности касс живо дебатировался вопрос о допустимости приема в кассы не членов союза. Только впоследствии, когда задачи касс были полностью уточнены, вопрос разрешился сам собою, и все союзные организации признали такое членство вполне соответствующим задачам касс.

Практика работы касс за истекшее время целиком себя оправдала. Хотя основная задача их заключается в том, чтобы приходить на помощь рабочим и их семьям при несчастных случаях (тяжелая болезнь, пожар, смерть члена семьи и т. д.), фактически кассы развернули свою работу гораздо шире и приходят на помощь участнику не только в случаях особых несчастий, но и в случаях обычной нужды. Большинство обращений в кассу имеет целью получение ссуды на одежду, обувь, топливо, на проезд для посещения семьи и т. д. В связи с этим в практике работы касс особое распространение получили возвратные ссуды.

По данным 136 губотделов различных союзов на 1 сентября 1923 года, видно, что возвратные ссуды составляли 90,4% всех выдач касс, безвозвратные пособия—9,6%. По отдельным союзам число безвозвратных пособий спускается: до нуля—в союзе бумажников, до $^1/_2$%—в союзе нарпит, до $1^1/_2$%—в союзе строителей и т. д. Такие же данные мы находим в отчетах межсоюзных организаций: смоленские союзы — ссуды 84%, пособия 16%; горняки в Грозном—ссуды 93,5%, пособия 6,5%; мосгуботдел химиков—ссуды 91,9%, пособия 8,1% и т. д.

Такой большой процент ссуд указывает на то, что кассы откликаются на все текущие нужды участников кассы и не

очень строги при выдаче ссуд. Во многих кассах число удовлетворенных заявлений доходит до 90% всех обращений. Такой подход в работе касс безусловно правилен. Это фактически превращает кассу взаимопомощи в ссудную кассу, но в этом ничего плохого нет. Важно, чтобы участник кассы получал от кассы реальную помощь, чтобы он обращался в кассу во всех случаях нужды, хотя бы мелких и незначительных—тогда касса выполняет свое назначение.

Число участников, получающих пособие из касс, в среднем очень велико. По некоторым союзам, по данным за сентябрь 1923 г., число получивших пособие составляет 11,8% (горняки) и 17,6% (работники искусства) всех участников касс. Этот огромный процент вряд ли известен в подобных кассах других стран. Необходимость столь частого обращения в кассу была вызвана неустойчивостью валюты, задержкой в выплате заработной платы и другими, специфическими для данных союзов, условиями. По сравнению с другими союзами, союз швейников стоит на последнем месте; по данным за сентябрь 1923 г., швейники дают в месяц 1,4% лиц, получивших пособия по отношению ко всем участникам кассы, кожевники 1,7%, работники просвещения—1,9%, металлисты—2,3% и т. д. Среднее число участников, получивших пособие и ссуды из касс взаимопомощи, составляет по всем союзам 4% всех участников касс в месяц. При таком внушительном числе выдач, касса, естественно, становится весьма популярной среди рабочих.

X. Культработа в новых условиях

В области культурно-просветительной работы перед профсоюзами советских республик стояли особенно большие задачи, ибо союзам предстояло преодолеть крайнюю культурную отсталость широких рабочих масс. К началу НЭП'а, в первые месяцы 1922 года, среди членов союзов было не менее миллиона членов совершенно неграмотных [1]).

Рабочие клубы и другие культурно-просветительные учреждения, развернувшиеся лишь в дальнейшем, в этот период еще совершенно отсутствовали. Общее тяжелое положение страны в период гражданской войны не давало возможности союзам широко ставить культурно-просветительную работу. Союзы ограничивались лишь тем, что принимали участие в работе государственных органов, оказывая им всемерное содействие в практическом осуществлении их работы.

Такой характер культработы союзов соответствовал в то время общему направлению деятельности союзов в сторону выполнения союзами отдельных государственных функций. В новых условиях, наступивших после перехода государства на новую экономическую политику, подобное направление культработы союзов оказалось неудовлетворительным. Перед союзами встали теперь свои самостоятельные задачи, связанные с необходимостью общего углубления союзной работы в массах. Все это вызвало пересмотр основного направления в этой части союзной работы — изменение ее в сторону массовой *профсоюзной* культработы, при чем общее внимание, уделявшееся союзами этой отрасли работы, также значительно усилилось, так как она становилась очень важным фактором поднятия сознания масс и вовлечения их в общесоюзные интересы.

Одной из важнейших задач культработы стала профпропаганда и подготовка профработников. Союзы обратили свое внимание на весьма распространенную среди членов союзов профессиональную неграмотность. Очень трудно под-

---

1) „Труд", № 294 — Речь т. Сенюшкина о ликвидации неграмотности.

считать, какой именно процент членов союзов является профессионально-неграмотным, но этот процент, во всяком случае, еще очень велик. Необходимость ликвидации неграмотности и постепенной подготовки профработников и явилась первоочередной задачей культработы союзов.

Поскольку работа должна была в новых условиях быть проникнута вопросами и проблемами общесоюзного характера, она должна была обратить большое внимание также и на *производственные* задачи союзов, при условии массового вовлечения членов союзов в эту работу. Поэтому, в культработе постепенно начало занимать большое место производственное просвещение, которое, наряду с общей работой союзов по постановке массовой экономработы и большему вовлечению широких масс в производственные интересы, соответствовало общему направлению работы союзов в новых условиях.

Для правильной постановки всей культработы вопрос о средствах приобрел огромное значение, так как с переходом союзов на собственные средства, государство перестало оказывать материальную помощь союзам и в этой области работы. Союзы стали включать в коллективные договоры обязательство хозорганов на отчисление определенного процента сверх заработной платы на культработу. Вначале отчисления эти были весьма значительны, достигая 5 и более процентов; впоследствии союзы, считаясь с необходимостью сократить накладные расходы государственной промышленности,—понизили культотчисления до 1% сверх заработной платы. В настоящее время однопроцентное отчисление установлено почти по всем союзам.

Соответственно новым задачам, выявилась необходимость сосредоточения всей массовой культработы в едином учреждении, расположенном на самом предприятии или вблизи последнего и вполне приспособленном для культурного обслуживания широких масс. Таким учреждением явился *клуб* на предприятии или районный союзный клуб.

Клубы получили широкое развитие в течение сравнительно короткого периода, и в марте 1923 года союзы насчитывали уже 1.572 клуба, из которых 1.049 или 70% составляли клубы при заводских комитетах и местных комитетах, около 10% — центральные клубы при губернских советах профессиональных союзов и 20%—районные клубы. Общее количество членов клубов, в отношении которых проведено индивидуальное членство, составляет 193.462. Из этого общего числа на рабочих приходится 115.616, служащих 56.601. На каждый клуб с индивидуальным член-

ством приходится в среднем 199 человек, по Москве 335 человек, по Ленинграду—443 человека [1]).

Клубы в первое время обнаружили уклон в сторону узко-кружковой работы, рассчитанной, главным образом, на привлечение наиболее выдающихся одиночек, проявляющих интерес и тягу к какой-либо определенной отрасли культурной деятельности: экономическая и политическая грамота, искусство, литература, музыка и т. д.

Такое направление клубной работы, строившееся на узкой базе наиболее выделяющихся из общего уровня по своему культурному развитию работников, противоречило основной задаче союзов, рассчитанной на максимальное приближение союзов к широким рабочим массам. Постепенно клубы стали переходить от драматических кружков к широкой форме агит-работы (суды, лекции, инсценировки, чтения, беседы, живые газеты, дискуссии и т. д.), с вовлечением в активную работу по проведению всех этих начинаний *всех* участников клуба.

Клуб, кроме того, должен был стать и центром борьбы с предрассудками и пережитками, унаследованными от капиталистического строя и старой культуры, а также проводником новых форм рабочего быта.

На эту работу клубы обратили усиленное внимание. За один март месяц 1923 г. число посещений театральных постановок (5.962 спектакля) в клубах составило 1.495.500 человек, число посещений концертов и сборных вечеров (1.921 концерт и вечер) 499.460. Лекций и докладов за тот же месяц прошло по рабочим клубам 4.624 с общим количеством слушателей 861.120 человек. Всего массовой культработой было обслужено за один месяц около трех миллионов человек.

Что касается кружковой работы, то в марте 1923 г., когда было проведено статистическое обследование культработы союзов, в 1572 союзных клубах имелось всего 5.932 кружка с общим числом участников в них 165.470. Из всего числа кружков 48% приходится на драматические, художественные и хоровые кружки, 14%—на кружки физкультуры, 16%—на политграмоту, 7%—на профессиональное движение, 7%—на литературные кружки, 4%—на научные кружки, 1%—на кружки по изучению ремесл и 3%—на другие кружки.

Клубы не оставили без внимания также и работу по физическому воспитанию подрастающего поколения. За

1) Профессиональные союзы СССР 1922—1924 г. Изд. ВЦСПС, 1924 г. Москва.

сравнительно короткий срок были созданы сотни кружков физкультуры, вовлекших в свой состав много тысяч рабочей молодежи. Огромный интерес, проявленный со стороны рабочих масс к вопросам физического воспитания, доказывает, что клубы пошли по правильному пути, обратив усиленное внимание на эту работу.

Наряду с широкой агитационной работой, клубы ставят также и углубленную групповую и кружковую пропагандистскую работу, где наиболее подготовленным и развитым работникам дается возможность углубления своих знании в области экономики и политики, рабочего и профессионального движения.

Во всей работе союзных клубов проводится метод максимального выявления самодеятельности участников и усиления их активности.

Перед союзами стояла затем задача по ликвидации неграмотности среди членов союзов. К моменту перехода союзов на новые задачи число неграмотных по всем союзам составляло в среднем около 25%. Культработа среди этой части рабочих, естественно, началась с ликвидации элементарной неграмотности. Союзы развили в этом направлении большую работу, проводя ее всюду своими силами и средствами: на эту цель союзы расходовали значительную часть — около 30—40% союзных культфондов. За 2 года работы союзов результаты работы весьма значительны: некоторые союзы почти полностью ликвидировали неграмотность членов союзов до 35-летнего возраста, другие достигли значительного уменьшения числа неграмотных. Общее число неграмотных по всем союзам составляло в марте 1923 года около 500.000 человек. В это же время в 62 губерниях в 1.367 пунктах обучалось 41.282 человека. Учитывая, что срок обучения в среднем 3—4 месячный, мы видим, что союзы в течение года обучают своими силами около 160.000 безграмотных. В масштабе всего профдвижения окончательная ликвидация неграмотности среди членов союзов намечена к концу 1925 года. Судя по темпу работы, развернувшейся за последний год, следует ожидать успешного выполнения ее.

XI. Регулирование заработной платы

Перевод государственной промышленности на хозяйственный расчет, после введения новой экономической политики, вызвал необходимость изменения прежних форм регулирования заработной платы. Во время гражданской войны союзы устанавливали единообразные тарифные ставки в масштабе всего союза, не допуская уклонений от этих ставок. Союзные тарифы имели тогда государственно-обязательную силу для всех предприятий и учреждений и нарушение их представляло деяние, в государственном порядке наказуемое.

С переводом промышленности на хозяйственный расчет,— этот порядок нормирования заработной платы стал невозможным. Хозяйственное положение предприятия в новых условиях стало определяться той конъюнктурой, которая создавалась на товарном рынке для фабрикатов, изготовляемых тем или иным предприятием. Получив возможность свободного сбыта своей продукции, предприятия, особенно изготовляющие предметы, наиболее легко реализуемые на рынке, ускорили оборот своих капиталов и укрепили свое финансовое положение. Начался процесс общего оживления и восстановления промышленности. Раньше всего он коснулся предприятий, которые имели наиболее тесное общение с рынком, и лишь постепенно распространялся на другие предприятия. В этом заключалось очень глубокое внутреннее противоречие, смутившее в первое время многих работников профсоюзов. Оживление прежде всего сказалось в легкой промышленности. Здесь, скорее, чем в других отраслях промышленности, начался процесс накопления необходимых оборотных средств и здесь же скорее, чем где бы то ни было, приступили к увеличению заработной платы рабочих. Между тем, в предприятиях тяжелой индустрии, составлявших основу крупного социалистического производства, оживление и восстановление шло гораздо медленнее. Создалось положение, при котором одна часть про-

мышленности, больше платила рабочим и быстрее исправляла свой инвентарь, чем крайне важная для государства—тяжелая индустрия. Это обстоятельство дало повод некоторым союзам возбудить вопрос о возврате к жесткому регулированию заработной платы уже после перехода на новые рельсы, главным образом, в целях уравнения положения рабочих в тяжелой и легкой индустриях. Руководящие органы профсоюзов не пошли, однако, по этому пути, вполне правильно усматривая в расхождении положения тяжелой и легкой индустрии лишь *временное* явление, неизбежное в той общей обстановке, которая в то время создалась для Советских республик, и могущее быть изжитым в процессе общего хозяйственного оживления страны.

Различное положение отдельных предприятий в отношении обеспечения сырьем, топливом и оборотными средствами, после введения новой экономической политики, заставило союзы отказаться от прежней централизованной формы нормирования заработной платы и вызвало переход на регулирование зарплаты путем коллективных договоров. „В создавшихся условиях—говорится в постановлениях II пленума ВЦСПС,—самым правильным путем нашей тарифной политики является переход к системе коллективных договоров между предпринимателями и заводоуправлением, с одной стороны, и союзом, с другой. При заключении коллективных договоров союзам следует решительно отказаться от опеки над заводоуправлением, определяя заработную плату на основании учета общего состояния народного хозяйства в данный момент, положения данной отрасли промышленности в общей системе нашего хозяйства, учета данной отрасли промышленности. Профсоюзы, при заключении договоров, должны неуклонно отстаивать интересы рабочих".

Вместе с тем, пленум дал директивы об обязательном привлечении широких рабочих масс к обсуждению, разработке и заключению коллективных договоров. „Заключение коллективного договора,— указал II пленум,— должно являться крупным фактором в жизни рабочих данного предприятия и не может быть проведено без их непосредственного сознательного участия в этом акте" [1]).

Противники революционного профдвижения пытаются представить дело так, будто низкая заработная плата рабочих Советских республик в эпоху гражданской войны была вызвана, главным образом, той политикой зарплаты, кото-

[1]) Резолюции II пленума ВЦСПС, Изд. ВЦСПС, 1922 г.

рую в это время вели союзы. В тот период—указывают они, прикидываясь простачками—когда союзы главное свое внимание обратили на организационно-хозяйственную работу, они принуждены были оставить заработную плату рабочих на таком низком уровне, который едва обеспечивал полуголодное существование; когда же союзы перешли на защиту интересов рабочих, заработная плата начала постепенно подниматься и положение рабочих улучшаться. Так рассуждает С. Шварц в цитированной уже нами брошюре о российском профессиональном движении, а также в его другой работе, специально посвященной политике заработной платы в России [1]). Получается так. Размер заработной платы рабочих в Советской России зависел исключительно от тактики профсоюзов: в период гражданской войны союзы „не хотели" заниматься защитой интересов рабочих и главное внимание направили на организационно-хозяйственную работу,—и заработная плата была низкая, стояла на полуголодном уровне; „захотели" союзы переменить свою тактику и перейти на защиту интересов рабочих, и заработная плата начала подниматься. Можно ли проявить большую политическую и экономическую безграмотность и наивность в толковании крупных общественных явлений? Мы думаем, впрочем, что наши противники менее наивны, чем они пытаются казаться; они намеренно замалчивают важнейшие факты из общественной и хозяйственной жизни Советской республики, чтобы, таким образом, подорвать доверие со стороны европейских рабочих к революционным союзам Советских республик. Впрочем, навряд ли их маневр кого-нибудь теперь обманет. Вовсе не нужно особенно глубокого проникновения в сущность фактов политической и профессиональной жизни Советской республики, чтобы понять, что движение заработной платы в Советской России зависело от целого ряда сложнейших причин и, прежде всего, от общего хозяйственного положения страны и от военной интервенции, предпринятой западно-европейскими капиталистами. *Тактика и форма работы союзов определялись теми хозяйственными отношениями, которые существовали в это время в стране.*

Переход союзов от централизованного нормирования зарплаты к регулированию ее путем коллективных договоров. был вызван исключительно теми новыми хозяйственными

---

[1]) Der Arbeitslohn und die Lohnpolitik in Russland. Türinger Verlagsanstalt. Jena, 1924 г.

отношениями, которые создались в это время в стране. Ошибка в оценке значения этого периода происходит часто из-за того, что неправильно толкуется значение колдоговоров в Советской республике. Дело в том, что колдоговоры в Советской республике вовсе не то же самое, что колдоговоры в капиталистических странах. В последних это временное соглашение, заключаемое представителями двух различных классов, предпринимателей и рабочих, при чем условия этого соглашения определяются соотношением классовых сил. В Советской республике это—взаимное обязательство двух органов, хозяйственного и профсоюзного, одного и того же рабочего класса, и содержание этого обязательства целиком определяется не только положением данного хозоргана, а и общим положением всего государственного хозяйства. Давая указания о взаимоотношениях союзных и хозяйственных органов при переходе на договорный порядок регулирования заработной платы, тов. Томский писал в начале периода работы союзов в новых условиях: „Заработная плата должна быть определена на основании учета общего состояния народного хозяйства в данный момент, положения данной отрасли промышленности в общей системе нашего хозяйства, учета значения и рессурсов данного предприятия в системе данной отрасли промышленности. С другой стороны, хозяйственники должны точно и твердо осознать, что об интересах рабочих заботится союз, что их задача соблюдать интересы предприятия и интересы государства, что сам коллективный договор, подписанный обеими сторонами, является не клочком бумаги, а договором между рабочими данного предприятия и данным хозорганом, который подлежит точному выполнению обеими договаривающимися сторонами“ [1]).

Коллективные договоры получили широкое распространение и в течение короткого времени охватили большинство рабочих и служащих. На основании материалов обследования, произведенного в октябре 1923 г. по 61 губернии в отношении договоров, заключенных губотделами союзов, и по 31 губернии в отношении договоров, заключенных уездными отделениями союзов, мы получаем следующие данные об охвате колдоговорами рабочих масс.

---

[1]) М. Томский. Профессиональные союзы на новых путях. Издание ВЦСПС. 1923 г.

Число работников, охваченных колдоговорами в 1923 г. [1]):

Группы союзов.	В % % к общему числу членов союза.
Промышленность	90
Транспорт и связь	99
Учреждения	56
В среднем	79

Процесс охвата рабочих и служащих коллективными договорами продолжался и в течение 1924 года. Обследование распространения коллективных договоров, произведенное ВЦСПС в июле 1924 г., дало следующие данные [2]).

Охват рабочих и служащих колдоговорами в июле 1924 г.

С О Ю З Ы.	Процент охвата договорами.
Рабземлес	72,8
Бумажники	99,0
Горнорабочие	97,3
Деревообделочники	90,2
Кожевники	82,6
Металлисты	94,6
Печатники	89,9
Пищевики	87,5
Сахарники	88,8
Строители	79,3
Текстильщики	99,0
Химики	95,4
Швейники	82,0
Водники	91,2
Железнодорожники	98,9
Местный транспорт	74,8
Нарсвязь	98,9
Рабис	44,8
Рабпрос	75,1
Медиксантруд	77,2
Совработники	58,2
Комхоз	85,2
Нарпит	75,1
По всем союзам	84,7

[1]) Ф. М. Шофман. Коллективные договоры в 1923 году. Издание ВЦСПС. 1924 г.

[2]) В. Овсянников. Коллективные договоры по СССР в июле 1924 г. „Статистика Труда“ № 11—12. Изд. ВЦСПС, 1924 г.

По группам союзов распространение колдоговоров в 1924 г. было следующее:

	Охвачено договорами.
Сельское хозяйство	72,8%
Промышленность	92,7%
Транспорт и связь	94,1%
Прочие отрасли труда	69,1%

Как мы видим из этих данных, рабочие промышленности транспорта и связи, почти целиком охвачены договорами.

Значительное число неохваченных договорами имеется лишь среди рабочих сельского хозяйства и среди различных групп служащих.

Перед союзами стояла основная задача по обеспечению *реальности* заработной платы. Задача эта затруднялась тем, что союзы в первое время работы в новых условиях имели дело со смешанной (натурально-денежной) формой зарплаты, при которой точное определение реального уровня ее было вообще крайне затруднительно. Переход на чисто денежную форму заработной платы был невозможен, ибо деньги не имели тогда устойчивой цены и не могли служить мерилом обеспечения рабочих. Союзы, поэтому, в первое время оставались целиком на позиции натурального снабжения и здесь искали разрешения вопроса обеспечения реальности заработной платы.

Смешанная форма заработной платы не давала, однако, возможности правильного регулирования заработной платы в зависимости от квалификации рабочего и не обеспечивала в полной мере реальности зарплаты; она стала особенно неудобной, когда предприятия были переведены на хозрасчет и союзы перешли на регулирование заработной платы путем коллективных договоров. Союзы поэтому постепенно начали переходить на денежную форму заработной платы. Сначала это делалось очень осторожно, чтобы не вызвать ухудшения в положении рабочих. Уже в конце 1921 года, в наказе от 1-го декабря, ВЦСПС указал, что „при установлении размера индивидуальной оплаты ни в коем случае не следует применять условных паев. Заработная плата должна иметь чисто денежное выражение, чтобы каждый работник заранее знал, что ему причитается получить [1]).

[1]) Наказ ВЦСПС о проведении новой тарифной системы. Издание ВЦСПС, 1921 г. Москва.

Более определенно союзы высказались за переход на денежную форму заработной платы на II пленуме ВЦСПС в феврале 1922 года, который постановил, что „в целях создания наибольшего уточнения и ясности в оплате труда, необходим постепенный, по мере большей устойчивости курса рубля, переход к денежной форме оплаты труда, как простейшей“ [1]).

Переход на чисто денежную форму заработной платы мог быть осуществен только по мере накопления в стране значительных запасов продовольствия и предметов потребления и по мере распределения их по отдельным районам республики.

Довольно ясную картину движения форм заработной платы от денежной к натуральной и обратно дает следующая таблица, составленная по вычислениям известного статистика *Струмилина* [2]).

Периоды.	В Москве.		В других районах.	
	Деньгами.	Натурой.	Деньгами.	Натурой.
1917 г. 1-е полугодие.	100	—	100	—
„ 2-е „	97,2	2,8	93,8	6,2
1918 г. 1-е „	84,1	15,9	79,7	20,3
„ 2-е „	68,6	31,4	72,1	27,9
1919 г. 1-е „	38,4	61,6	41,6	58,4
„ 2-е „	37,2	62,8	30,4	69,6
1920 г. 1-я четверть	14,6	85,4	18,0	82,0
„ 4-я „	14,3	85,7	12,8	87,2
1921 г. 1-я „	5,2	94,8	6,8	93,2
„ 4-я „	64,1	35,9	39,7	60,3
1922 г. январь	37,8	62,2	19,3	80,7
„ декабрь	94,6	5,4	80,5	19,5
1923 г. 1-я четверть	96,5	3,5	79,7	20,3
„ 4-я „	100	—	92,8	7,2

[1]) Резолюции II пленума ВЦСПС. Издание ВЦСПС. 1922 г.
[2]) Ф. Ревзин. Эволюция форм заработной платы. Издание ВЦСПС Москва. 1924 г.

Инфляция денежных знаков затрудняла переход на денежную форму заработной платы. Перед профсоюзами в это время стояла очень сложная задача обеспечения реальности заработной платы в условиях постоянного поднятия рыночных цен. В этих условиях наиболее совершенной и обеспечивающей интересы рабочих формой исчисления заработной платы было принятие за основу исчисления ее стоимости товарного рубля. Товарный рубль постепенно стал основной единицей определения реальности зарплаты и исчислялся следующим образом: брался набор продуктов, входящих в бюджет рабочего, и определялась его цена по довоенной стоимости в довоенных рублях. По московским ценам этот набор стоил до войны 10 руб. Этот же набор продуктов расценивался по существовавшим в каждый данный момент рыночным ценам в совзнаках и путем деления последней суммы на 10 получалась стоимость товарного рубля. Стоимость последнего вычислялась каждую неделю и публиковалась государственными статистическими органами для всеобщего сведения. Исчисление заработной платы в товарных рублях, однако, лишь приблизительно обеспечивало реальный уровень зарплаты: вследствие быстрого падения совзнаков, цены товаров менялись ежедневно, поднимаясь иногда за день на 2—3%, а иногда и того больше. Ввиду того, что между моментом исчисления зарплаты и моментом фактической ее выплаты проходил все же некоторый срок, реальный уровень зарплаты снижался, при чем потеря рабочих составляла в некоторых случаях 20—30% и больше. Задача союзов, стремившихся к обеспечению реальности заработной платы, заключалась—в этих условиях—в приближении даты исчисления зарплаты к сроку выплаты. Во многих случаях такое приближение было достигнуто, но все же, поскольку известный промежуток технической подготовки к выплате заработной платы необходим, реальная зарплата не была полностью обеспечена.

Исчисление заработной платы в товарных рублях было, однако, крайне неудобно для хозорганов, которые никогда не могли заранее точно учесть своих обязательств по отношению к рабочим, так как уровень заработной платы в совзнаках определялся только накануне выплаты ее на основании подсчета рыночных цен. Колебания цен на рынке ставили, таким образом, часто хозорганы в тяжелое положение.

Стремясь умалить значение перехода профессиональных союзов на исчисление заработной платы в товарных рублях, Шварц пишет: „Уровень обеспечения рабочих в России

отставал от роста цен на необходимые предметы, и это отставание особенно сказывалось до октября 1923 года. Переход на исчисление заработной платы в товарных рублях имел весьма незначительное влияние на положение рабочих и показывал увеличение заработной платы там, где этого увеличения в действительности не было“ [1]). Это пишется на стр. 73-й, а на 107-й тот же автор приводит таблицу, из которой видно, что реальная заработная плата рабочих крупной промышленности составляла по всем отраслям промышленности в среднем:

в январе	1922 г. . .	75,2% стоимости бюджетного набора.
„ „	1923 г. . .	153,2% „ „ „
„ октябре	1923 г. . .	196,4% „ „ „

Иначе говоря, в течение менее, чем за два года, заработная плата увеличилась больше, чем в $2^1/_2$ раза. Нельзя забывать, что это происходило до денежной реформы, в условиях падавшей валюты, а следовательно, главным образом, в связи с переходом на исчисление заработной платы в товарных рублях. Так враги революционного профессионального движения сами себя опровергают.

Реальность заработной платы была окончательно и полностью обеспечена только с введением денежной реформы. Установление твердых цен на основные предметы потребления и обеспечение устойчивой стоимости денежных знаков положило конец всем прежним формам исчисления зарплаты и всем колебаниям ее реального уровня. Это урегулировало вопрос об исчислении заработной платы и значительно улучшило положение рабочих.

Колдоговор не только уточнял обязательства хозорганов в отношении рабочих, но он имел еще то значение, что в новых условиях работы союзов становился важнейшим фактором вовлечения рабочих масс в союзные интересы и в интересы производства. Необходимо было, поэтому, чтобы колдоговор подвергался широкому обсуждению в рабочих массах. Руководящие органы профдвижения, поэтому, решительно осудили методы кабинетного заключения колдоговоров и дали директиву всем союзным организациям ставить эту работу на массовые рельсы. „Система заключения коллективного договора—писал тов. Томский в начале перехода союзов на новые задачи,—практикуемая в настоящий момент, когда представитель союза и представитель заводоуправления, с глазу на глаз, в тиши кабинета, подписывают

[1]) Der Arleitslohn und die Lohnpolitik in Kussland.

неведомый для рабочих коллективный договор, должна быть решительно отброшена. Заключение коллективного договора является крупным фактором в жизни рабочих данного предприятия и не может быть проведено без их непосредственного сознательного участия в этом акте. Союз должен разъяснить, почему он выставляет своим требованием такую, а не иную форму заработной платы и почему считает возможным и необходимым пойти на ту или иную уступку. При заключении коллективного договора производственным трестом сразу для целой группы предприятий, необходимо привлекать уполномоченных от этих предприятий со стороны завкомов и непосредственно избранных на общих собраниях рабочих. Таким образом, при проведении данной тарифной системы инициатива и вся сущность тарифной работы переносится на местные союзные организации“ [1]).

Эта директива была строго выдержана всеми союзными организациями, и договорная работа приобрела огромное значение для приближения союзов к массам рабочих и для ознакомления последних с законодательством о труде, положением производства и т. д. Постепенно коллективный договор целиком вошел в обиход предприятия.

[1]) М. Томский. Профсоюзы на новых путях. Изд. ВЦСПС. 1923 г. Москва.

XII. Движение заработной платы

В наиболее острый период хозяйственной разрухи падение зарплаты было настолько резко, что последняя доходила для некоторых категорий до 20% довоенного уровня. Улучшение положения рабочих масс стало возможно только, когда были созданы условия для постепенного мирного развертывания промышленности. Повышение заработной платы началось в первой половине 1922 года. „Профсоюзы—постановил V с'езд профсоюзов в сентябре 1922 г.—должны неуклонно стремиться к поднятию общего уровня заработной платы, учитывая, однако, что темп роста ее будет определяться состоянием бюджета государства, размерами хлебного фонда, общей экономической кон'юнктурой страны и темпом развития производительных сил" [1]).

Как союзы выполнили эту задачу, видно из следующих данных таблицы, приведенной на стр. 68-ой.

Как мы видим из этих цифр, реальная заработная плата с 1-го квартала (октябрь—декабрь) 1922—23 г.г. до 1-го квартала 1924—25 г.г. увеличилась по всей промышленности на 77%. По отдельным отраслям промышленности увеличение еще больше и составляет по полиграфической промышленности—117%, по кожевенной промышленности—127%. Характерно также, что заработная плата в крупной промышленности Москвы обогнала довоенную зарплату. Средний месячный заработок в крупной промышленности Москвы в 1913 году составлял 27 руб. 10 коп. В конце 1924 г. этот заработок составлял 32 р. 44 к.

Особенно наглядную картину роста заработной платы дает движение заработной платы в 1924 г. в червонных рублях после проведения денежной реформы, как видно из данных таблицы на стр. 69-ой.

[1]) Стенографический отчет V с'езда профсоюзов. Издание ВЦСПС, 1923 г.

Средний месячный реальный заработок рабочих крупной промышленности в условных московских рублях за 1922—1924 г.г. [1]).

Производственные группы.	I квартал 1922—23 г. (октябрь—декабрь).	1923—1924 год. I кварт.	II кварт.	III кварт.	IV кварт.	В среднем за хоз. 1923—24 г.	I квартал 1924—25 г. (октябрь—декабрь).
По всей промышлен. .	13.57	19.33	20.39	20.42	22.87	20.75	24.05
В том числе:							
По металлообрабат. .	14.40	20.68	21.87	22.53	25.38	22.62	27.90
„ текстильной. . . .	9.53	17.65	18 20	17.18	19.31	18.09	19.70
„ горной	18.15	17.37	19.11	20.38	22.58	19.86	22.07
„ химической	15.08	18.93	19.69	19.51	23.13	20.32	24.75
„ кожевенной	14.98	28.44	30.98	28.70	30.76	29.72	34.15
„ полиграфической [2])	18.23	29.30	32.49	33.88	35.08	32.69	37.72
„ пищевкусовой [2]). .	17.27	23.46	23.58	23.96	27.41	24.60	30.63
„ пищебумажной . .	13.40	21.23	24.12	22.22	24.19	22.94	25.42
„ деревообделочной .	17.52	24.80	21.84	22.11	25.48	23.56	27.19
В том числе:							
Москва	16.99	25.03	26.57	26.57	29.85	27.01	32.44
Ленинградск. губ. . .	17.34	25.81	24.48	25.24	28.92	26.11	32.93

[1]) По данным Бюро Статистики ВЦСПС.

[2]) Преимущественно в подсчет вошли предприятия столиц, а по пищевкусовой промышленности—кондитерское, табачное, пивоваренное производства.

Средний месячный заработок рабочих крупной промышленности в червонных рублях в 1924 г. [1]).

Производственные группы.	Январь.	Февраль.	Март.	Апрель.	Май.	Июнь.	Июль.	Август.	Сентябрь.	Октябрь.
По всей промышленн. .	34.40	37.28	36.93	35.11	37.14	36.84	40.31	38.45	41.11	42.25
В том числе:										
По металлообрабатыв. .	36.07	39.30	39.45	38.20	40.10	39.05	43.26	41.17	45.65	47.08
„ текстильной	30.84	33.88	32.63	30.36	32.11	31.68	35.64	33.24	34.99	36.42
„ горной	31.41	32.77	34.64	32.05	34.49	35.56	37.77	36.18	38.18	38.43
„ химической	33.74	37.34	35.78	34.23	35.14	35.05	39.65	70.06	40.72	42.46
„ кожевенной	52.82	57.14	52.05	50.66	52.25	54.75	53.22	50.60	56.73	60.21
„ полиграфической [2]) .	63.27	67.96	67.01	67.57	74.71	71.19	70.58	64.68	74.65	69.28
„ пищевкусовой [2]) . .	44.43	47.19	47.23	46.11	51.69	48.00	52.94	54.27	52.26	55.17
„ писчебумажной . . .	37.63	37.64	38.38	34.73	37.92	36.06	39.72	40.12	39.46	41.04
„ деревообделочной. .	35.54	38.60	38.11	39.03	41.04	43.97	49.04	43.44	49.65	51.91

[1]) По данным Бюро Статистики ВЦСПС.

[2]) Преимущественно для рабочих столиц, а для пищевкусовой промышл. табачное, кондитерск., пивоварен, производства.

Выше мы уже видели, что легкая промышленность, имевшая наибольшее общение с рынком, быстрее оборачивавшая свои средства, скорее других отраслей производства пошла на повышение зарплаты. В результате, в тяжелой индустрии и на транспорте зарплата сильно отставала. V с'езд профсоюзов признал это положение ненормальным и, отвергнув „тактику уравнения заработной платы путем механического снижения ставок", дал союзам директиву отстаивать выделение большего количества средств для основных отраслей промышленности (тяжелая индустрия и транспорт), дабы в процессе восстановления этих важнейших отраслей хозяйства, отставшая в них от общего среднего уровня заработная плата могла бы быть поднята в соответствии с важностью данной отрасли промышленности и квалификации труда в ней.

Проведение этой директивы было связано с большими трудностями: рессурсы, которые государство могло уделить на поддержку тяжелой индустрии и транспорта, были крайне ограничены. Это лишний раз доказывает правильность того положения, что движение заработной платы в Советских республиках зависело не от взаимоотношений профсоюзов и государственных хвзяйственных органов, как это пытаются представить реформисты, а исключительно от общего положения государственной промышленности и всего народного хозяйства. Расхождение уровня заработной платы в легкой и тяжелой индустрии было очень значительно и продолжалось вплоть до последнего времени, как видно из приведенной выше таблицы.

Так, в первом квартале 1924/25 г. в металлической промышленности средний месячный заработок рабочего составлял 27 р. 90 к. (в условных московских рублях), в горной промышленности — 22 р. 07 к., в кожевенной — 34 р. 15 к., в полиграфической—37 р. 72 к., в пищевкусовой—30 р. 63 к.

Общий процесс улучшения положения рабочего класса, рост заработной платы и различие в уровне заработной платы в отдельных отраслях промышленности видны в особенности при сравнении нынешней и довоенной заработной платы, как следует из данных таблицы, помещенной на стр. 71.

Как мы видим из этих данных, в целом ряде отраслей промышленности заработная плата уже обогнала довоенную и доходит в пищевкусовой промышленности (табачное, кондитерское и пивоваренное производства) до 143,8% довоенного уровня, в кожевенной промышленности до 112% довоенного и т. д. В виду того, что процесс роста заработной платы шел гораздо медленнее в тяжелой индустрии, чем

Средний месячный заработок рабочих крупной промышленности в $^0/_0{}^0/_0$ к заработку 1913 г. = 100 [1]).

Производственные группы.	1 квартал 1922—23 г.	1923—1924 год. I кварт.	II кварт.	III кварт.	IV кварт.	В среднем за хоз. 1923—24 г.	За 1 квартал 1924—25 г.
По всей промышленности	42.0	59.9	66.9	67.0	75.0	67.2	78.9
В том числе:							
По металлообрабатывающей	32.5	46.7	50.6	52.1	58.7	52.0	64.6
По текстильной	43.7	81.0	88.9	83.9	94.3	87.0	96.2
„ горной	39.9	38.2	45.8	48.8	54.0	46.7	52.8
„ химической	60.3	75.7	80.2	79.5	94.2	82.4	100.9
„ кожевенной	47.9	91.0	102.3	94.7	101.5	97.4	112.7
„ полиграфической [2])	51.3	82.4	91.4	95.3	98.6	91.9	106.1
„ пищевкусовой [2]) . .	80.6	109.2	110.7	112.5	128.7	115.3	143.8
„ писчебумажной . .	55.4	87.9	105.9	97.5	106.2	99.4	111.6
„ деревообделочной .	62.5	88.5	78.4	79.4	91.5	84.5	97.6
В том числе:							
Москва	62.7	92.3	98.0	98.0	110.1	99.6	119.7
Ленинградская губ. .	49.1	73.1	69.3	71.5	81.9	74.0	93.3

[1]) По данным Бюро Статистики ВЦСПС.

[2]) Преимущественно для рабочих столиц, а для пищевкусовой промышленности—табачное, кондитерское, пивоваренное пр-ва.

в других отраслях промышленности, союзы обратили особенное внимание на поднятие заработной платы в тяжелой индустрии.

3 сессия ВЦСПС, состоявшаяся 12—17 апреля 1923 года, постановила, что „на ближайший период, основное внимание союзов в их тарифной работе должно быть сосредоточено на закреплении достигнутого уровня заработной платы и недопущении снижения ее реальных размеров, а также на уравнении общей средней отставших отраслей хозяйства и отдельных видов труда, главным образом, транспорта, связи и отдельных групп предприятий тяжелой индустрии“ [1].

Неполная нагрузка предприятий, высокие накладные расходы, изношенность инвентаря, а также быстрый рост заработной платы в отдельных отраслях промышленности, в частности, вырабатывавших предметы массового потребления, привел к резкому вздорожанию этих предметов в сравнении с довоенными ценами и к расхождению цен на промышленные изделия и продукты сельского хозяйства. Это явление, известное под названием „ножниц“, представляло огромную хозяйственную и политическую опасность для Советского государства, ибо крайне ограничивало покупательную способность крестьянства в отношении изделий промышленности, сильно ухудшало положение крестьян, создавая в то же время для рабочих угрозу безработицы и застоя в промышленности. Для страны, в которой из 133 миллионов всего населения 111 миллионов приходится на крестьянство, где стоимость сельско-хозяйственной продукции и до войны превышала стоимость продукции промышленности (вся продукция промышленности в 1913 г. оценивалась в 5.620 миллионов рублей, продукция сельского хозяйства в 6.120 миллионов рублей; после войны, в 1922—23 году, стоимость продукции сельского хозяйства превышала стоимость продукции промышленности почти в 2½ раза; первая оценивалась в 4.590 миллионов рублей, вторая в 1.950 миллионов руб.) и где государственная власть осуществляется союзом рабочих и крестьян,—указанный факт резкого расхождения цен на продукты сельского хозяйства и промышленности, приобретал огромное значение. Это явление привлекло, поэтому, исключительное внимание Советского государства и профсоюзов.

„Ножницы“ с особой силой стали сказываться осенью 1923 г. К 1-му октября 1923 года цены сельско-хозяйствен-

---

1) Путеводитель по всероссийским съездам и конференциям профессиональных союзов. Ю. Милонов. Издание ВЦСПС. 1924 г.

ных товаров были ниже довоенных цен и составляли 0,64 последних. В то же время цены промышленных товаров поднялись до 1,72 довоенного уровня. Таким образом, цены промышленных товаров были в это время почти в 3 раза выше чем до войны, в сравнении с ценами продуктов сельского хозяйства. В отношении цен отдельных товаров расхождение было еще больше. Например, текстильные товары, имеющие свой основной сбыт среди крестьянства, расценивались в 2,56 выше чем до войны, железо, чугун, сталь в 1,79 раз выше чем до войны. Учитывая, что цены сельско-хозяйственных продуктов в это время стояли на уровне 0,64 довоенного, получаем, что текстильные товары (ситец и др.) были дороже, чем до войны, в сравнении с сельско-хозяйственными продуктами, в 4 раза, железо в 3 раза и т. д.

Это резкое расхождение цен, само собой разумеется, очень сильно сказалось на крестьянском потреблении промышленных товаров. Последние становились совершенно нед ступными для крестьян, располагавших только теми средствами, кот рые они могли выручить от продажи излишков сельско-хозяйственных продуктов. Поскольку последние были обесценены в сравнении с промышленными товарами, покупательная способность крестьян сильно понизилась. „Ножницы" поэтому сопровождались сильнейшим кризисом сбыта. Товары, изготовленные фабриками и заводами, лежали на складах трестов и синдикатов без движения и не находили себе сбыта, несмотря на огромный товарный голод, существовавший в стране.

Перед государством встала необходимость свертывания ряда крупных предприятий из-за отсутствия сбыта и, следовательно, оборотных средств. „Ножницы", одним концом ударившие по крестьянину, ограничив его возможность потребления промышленных товаров,—другим концом ударили по рабочему, поставив его под угрозу безработицы.

Разумеется, что основные причины, вызвавшие это явление, обусловливались той обстановкой, в которой приходилось развиваться промышленности после империалистической и гражданской войны. В распоряжении переведенной на хозяйственный расчет промышленности вовсе не было или были весьма незначительные оборотные средства. Государство не в состоянии было оказывать промышленности длительную поддержку: инвентарь, здания, оборудования фабрик и заводов были изношены и нуждались в обновлении, ремонте и восстановлении. Промышленности приходилось расценивать свои товары таким образом, чтобы создать хотя бы небольшой запас оборотных

средств и чтобы покрыть расходы, связанные с переоборудованием и обновлением инвентаря.

Большое значение имело также то, что промышленности приходилось выдерживать на своих плечах консервированнные предприятия, которые требовали больших расходов. Последние ложились целиком на работавшие предприятия и частью входили в цены промышленных товаров. Уменьшить эти расходы можно было только постепенно, по мере развертывания промышленности. Окончательное же закрытие всех свернутых предприятий было явно невозможно, ибо это означало бы крайнее увеличение безработицы, распыление рабочего класса и разрушение важнейших и крупнейших предприятий. На цены промышленных товаров имело также большое влияние параллельное существование в то время падавших денежных знаков, на ряду с устойчивой денежной единицей—червонцем. Тресты и синдикаты, ведя свои расчеты в устойчивых знаках, продавали свои товары, большею частью, в падавших совзнаках. Потери, которые они несли от одновременного существования падавших и устойчивых денег, они естественно должны были вводить в цены товаров.

В целях борьбы с „ножницами", профсоюзы, в отношении легкой промышленности, стремились удержаться на достигнутом уровне, не допуская его снижения, и одновременно проводили линию постепенного поднятия заработной платы в предприятиях тяжелой индустрии. Вместе с тем, союзы принимали активное участие в борьбе за снижение накладных расходов как в промышленности, так и в торговле путем максимального сжатия аппарата хозяйственных органов, сокращения числа служащих и непроизводственных рабочих и уменьшения других накладных расходов.

Усилия Советского государства и профсоюзов в сторону снижения цен дали сравнительно быстрые результаты. Уже в ноябре 1923 года началось снижение цен, которое шло в течение всего истекшего года и продолжается до сих пор. С 10-го ноября 1923 года по 1-е апреля 1924 года, т.-е. приблизительно за полгода, отпускные цены государственной промышленности упали в среднем на 23,7%, рыночные оптовые цены понизились на 24%, розничные—на 11,4%. При этом цены шерстяных изделий понизились на 38,6%, резиновых—на 34,4%, пищевкусовых — 29,2%, хлопчатобумажных—28,5% и т. д. [1]).

---

[1]) Социалистическое хозяйство. Книга 3-я, страница 8-я.

Ко второй половине 1924 года явления, вызванные „ножницами“, были значительно смягчены, хотя задача удешевления изделий промышленности не могла еще считаться окончательно разрешенной, ибо расхождение цен на промышленные товары и на продукцию сельского хозяйства, в сравнении с довоенными ценами, все еще оставалось. Высокие цены промышленных товаров продолжали служить основным препятствием для широкого сбыта этих товаров среди крестьянского населения. Задача удешевления изделий промышленности, таким образом, все еще стояла перед Советским государством и перед профсоюзами. VI с'езд профсоюзов, состоявшийся 10—18 ноября 1924 г., уделил вопросу о ценах очень большое внимание. „Политические задачи рабочего класса—постановил с'езд—требуют, в целях укрепления союза с крестьянством, дальнейшего удешевления продукции промышленности и вместе с тем более быстрого темпа восстановления хозяйства. Эти же задачи выдвигаются и непосредственно материальными интересами рабочих“. В соответствии с этими основными задачами рабочего класса, VI с'езд дал следующие директивы всем союзным организациям в их политике заработной платы: „Признавая необходимость дальнейшего повышения заработной платы в отставших по ее размерам отраслях промышленности и транспорта, сообразно действительных хозяйственных возможностей таковых, с,езд подтверждает решения предыдущего пленума ВЦСПС о заработной плате в выдвинувшихся по ее размерам отраслях промышленности и в интересах уравнения общей линии заработной платы предлагает союзам, об'единяющим рабочих и служащих в этих отрасля хпромышленности, на ближайшее время задержаться и закрепить лишь достигнутый уровень заработной платы“ [1].

Особняком стоит вопрос о политике заработной платы союзов в отношении *частных предприятий*. По этому поводу противники революционных союзов распространяли больше всего клеветы на русские союзы среди западноевропейских рабочих. Реформисты не стесняются представить дело так, будто революционные союзы являются чуть ли не защитниками интересов частных предпринимателей.

Если послушать реформистов, то становится непонятным, почему же капиталисты всех стран не идут в Россию и не открывают здесь своих предприятий и почему не возвращаются сюда русские капиталисты, успевшие бежать и увезти свои капиталы. Ведь, по словам амстердамцев, проф-

[1]) Бюллетень VI с'езда профсоюзов, № 6.

союзы Советских республик только и думают о том, как бы „помешать“ рабочим поднять заработную плату, в том числе и в частных предприятиях. В действительности, как это хорошо известно рабочим всех стран, мы имеем совсем обратное явление. Капиталисты живут припеваючи именно в тех странах, где профдвижение в значительной своей части идет по пути реформизма; в Советской же республике, где профессиональное движение идет по революционному пути, они влачат довольно таки жалкое существование.

Частные предприятия были вновь допущены в России после введения новой экономической политики во второй половине 1921 года. Несмотря на то, что государство не только разрешило сооружать новые частные предприятия, но и само сдало в аренду ряд мелких и плохо оборудованных предприятий.—частные предприятия не получили широкого распространения в Советской республике, и до сих пор играют в общем хозяйстве страны ничтожную роль. Это видно из того, что на 1-е января 1924 года число рабочих, занятых в частных промышленных предприятиях, составляло всего 4,8% всего числа промышленных рабочих страны. Продукция же частных предприятий в 1922—23 хозяйственном году составляла всего 4% всей продукции промышленности. Низкая производительность частных предприятий об'ясняется тем, что в частных руках находятся, главным образом, мелкие предприятия, в то время как государство владеет крупными предприятиями. Это видно из следующих цифр:

ДАТА УЧЕТА.	На одно предприятие приходится рабочих.	
	В государственных предприятиях.	В частных предприятиях.
1-е января 1923 г.	221	37
1-е июля 1923 г.	231	41
1-е января 1924 г.	245	48

Регулирование заработной платы в частных предприятиях представляло для союзов, в начале новой экономической политики, больше всего затруднений. Существовавшая в то время централизованная форма нормирования заработ-

ной платы свелась фактически к установлению обязательных в государственном порядке ставок заработной платы. Эти ставки, вследствие крайнего истощения рессурсов государства и расстройства государственной промышленности, в связи с гражданской войной, были очень низки. При переходе государственных предприятий на хозяйственный расчет, оказалось возможным, по мере усиления финансовой базы предприятий, повышать заработную плату. В связи с этим, союзы пересмотрели свою политику заработной платы в отношении хозрасчетных предприятий, отменили обязательные ставки и перешли на *регулирование заработной платы в договорном порядке*. Особенно сложно стоял вопрос о зарплате в отношении частных предприятий. Выступая в качестве конкурента государственных предприятий, частный предприниматель всячески искал способов побить своего соперника и обратил свои взоры прежде всего на квалифицированную рабочую силу и на привлечение последней из государственных предприятий. Поэтому в первое время в частных предприятиях наблюдалась более высокая заработная плата, чем в государственных предприятиях.

Хотя фактически целью частных предпринимателей являлся подрыв государственных предприятий—союзы все же сочли необходимым закрепить те условия заработной платы, какие к тому времени существовали в частных предприятиях.

На короткий, переходный, период, пока одновременно продолжали существовать обязательные нормы заработной платы для союзов, в отношении частных предприятий, создалось не вполне нормальное положение. Выход был вскоре найден: обязательные нормы заработной платы были отменены, и регулирование заработной платы в частных предприятиях начало производиться путем коллективных договоров.

Писатели из лагеря амстердамцев поступают недобросовестно и вводят в заблуждение своих читателей, когда они пытаются представить временное несоответствие форм союзной работы, создавшееся в связи с изменением хозяйственных отношений в стране, как постоянную политику профсоюзов.

В дальнейшем союзы повели решительную политику на повышение заработной платы в частных предприятиях и на этой почве не раз прибегали к забастовкам. То положение, при котором заработная плата в частных предприятиях была выше обязательных союзных норм, прошло довольно быстро, и предприниматели начали всячески противиться

нажиму союзов в сторону повышения заработной платы рабочих. Дальнейшее движение заработной платы в государственных и частных предприятиях показывает, что заработная плата последних была во многих случаях ниже, чем в государственных предприятиях. В нижеследующей таблице приведены данные об уровне заработной платы в государственных и частных предприятиях в октябре 1923 г.

Заработная плата промышленных рабочих в государственных и частных предприятиях в октябре 1923 года.

ПРОИЗВОДСТВА.	Заработная плата рабочих частных предприятий в 0/00/0 к заработку рабочих государственных предприятий.
Обработка металлов	92,0
Полиграфическое производство	116,0
Обработка хлопка	125,0
Производство одежды	105,0
Производство кожаной обуви	82,7
Производство всевозможных изделий из кожи	108,3
Мукомольно-крупяное производство	127,3[1])

Из этих данных мы видим, что на ряду с небольшим повышением заработной платы в отдельных частных предприятиях, мы имеем также ряд случаев более низкой заработной платы в частных предприятиях в сравнении с государственными. При этом необходимо обратить внимание на то, что рабочие государственных предприятий пользуются рядом льгот в отношении коммунальных услуг и др., повышающих их реальную заработную плату в сравнении с рабочими частных предприятий.

Эти цифры должны окончательно рассеять сказку о том, будто профсоюзы Советских республик не защищают интересов рабочих государственных предприятий, удерживают

[1]) А. Г. Рашин. Заработная плата в промышленности. „Труд в СССР", Издание ВЦСПС, 1924 г.

там зарплату на более низком уровне, чем в частных предприятиях и т. п. Мы видим, что фактически положение рабочих государственных предприятий, если учесть все дополнительные льготы, которыми они пользуются, лучше чем положение рабочих частных предприятий. Цифры помещенной выше таблицы относятся к октябрю 1923 г. С тех пор произошло дальнейшее увеличение заработной платы в государственных предприятиях, в то время как частные предприятия все еще влачат жалкое существование и, несмотря на весь нажим союзных организаций, продолжают оставаться пока на прежнем уровне зарплаты.

Движение заработной платы за истекшие годы работы союзов в условиях новой экономической политики показывает постепенное и стойкое увеличение реального обеспечения рабочих и общее улучшение их положения.

Успехов советского государства и революционных профессональных союзов в деле повышения заработной платы не могут отрицать и злейшие враги революционного профдвижения. „Было бы ошибкой—пишет С. Шварц в уже упомянутой нами брошюре о заработной плате,—если бы мы успехи в области повышения заработной платы признали незначительными". „Но—утешает он себя далее,—те трудности, которые обнаруживаются теперь в Росии при выплате заработной платы, служат признаком того, что заработная плата в России в общем и целом достигла своего предела, которого при нынешнем хозяйственном положении страны в ближайшее время или, по крайней мере, в течение продолжительного периода невозможно будет превзойти".

По поводу подобного рода предсказаний можно ответить поговоркой: „Бабушка на двое гадала".

Революционные профессиональные союзы Советских республик отнюдь не ставят вопроса о невозможности дальнейшего повышения заработной платы. Они только связывают его с вопросом о повышении производительности труда и улучшения организации хозяйства. Так именно рассматривал вопрос о заработной плате состоявшийся недавно VI с'езд профсоюзов.

Сомнений нет—на пути дальнейшего роста промышленности и улучшения положения рабочего класса в Советской Республике имеются еще огромные трудности, в значительной степени зависящие от враждебного капиталистического окружения, в котором находятся советские республики. Но российский пролетариат, как и советское государство в целом, нисколько не сомневается в том, что трудности эти будут превзойдены.

Мы нисколько не будем удивлены, если и при дальнейшем росте заработной платы в России, со стороны Шварца и других амстердамцев снова раздадутся клеветы на русские союзы о том, что, мол, эти успехи достигнуты „помимо союзов", „вопреки намерениям союзов" и т. п. Они невзначай „забудут" тогда о прежних повышениях заработной платы, о которых они говорят теперь, как они уже сейчас многое „забыли" из того, что говорили раньше.

В заключение своей брошюры о заработной плате в России Шварц пишет:

„Проблема повышения жизненного уровня рабочего класса в России неразрывно связана с проблемой ликвидации диктатуры и превращения России в свободно-демократическую страну". Иначе говоря, автор рекомендует рабочему классу позаботиться о скорейшем возврате к власти буржуазии, капиталистов. Тогда... Шварц обещает счастливую жизнь. Это мы и раньше не раз слыхали. Всегда, когда речь заходила о положении рабочего класса в России, амстердамцы каркают: „верните буржуазию, иначе погибнете". Рабочий класс Советских республик показал, что он в состоянии подняться своими собственными силами. Уже теперь заработная плата достигла почти 80% довоенного уровня. Хозяйственное положение страны позволяет надеяться, что мы на этих достижениях не остановимся и они скоро возрастут. При этом рабочий класс и профсоюзы ни на минуту не закрывают глаза на то, что дальнейший рост заработной платы целиком связан с положением государственной национализированной промышленности, улучшением организации производства и труда и повышением производительности труда. На разрешение этих важнейших проблем обращены теперь все усилия советсткого государства и организованного в профсоюзы российского пролетариата.

XIII. Стачки и конфликты

Принципиальное и практическое отношение профсоюзов к стачкам, после перехода на новые задачи союзов, определилось общим их отношением к пролетарскому государству. То новое, что было внесено в профдвижение, в условиях новой экономической политики, заключалось в том, что союзам приходилось иметь дело, в отношении каждого отдельного предприятия, не непосредственно с самим государством, а с уполномоченным для управления данного предприятия хозорганом—„приказчиком“ пролетарского государства, с которым союзам предстояло регулировать условия труда рабочих. Союзы не могли не учесть, что при этих условиях,—в особенности на первое время,—со стороны отдельных хозорганов неизбежны ошибки, промахи и уклонения от общей политики Советского государства, болезненно отражающиеся на рабочих. Учитывалось также, что на этой почве возможны столкновения и конфликты между хозорганами и рабочими, а, следовательно, и союзами. Последние, поэтому, поставили вопрос не так,—допустимы или недопустимы стачки в новых условиях, а насколько целесообразны и пригодны стачки, как метод борьбы в данных конкретных условиях. „Одним из важнейших вопросов—писал тов. Томский в уже цитированной нами брошюре,—вытекающих из нового курса профсоюзов, является вопрос о конфликтах и о методах их разрешения. Не поведет ли защита интересов рабочих со стороны профсоюзов к острому столкновению их с администрацией государственных предприятий и допустимо ли принципиальное признание стачек, как формы борьбы даже на государственных предприятиях (вопрос о стачках на на частных предприятиях, допустимость их и возможность, повидимому, не возбуждают ни в ком сомнения). Подобная постановка вопроса нам кажется весьма отвлеченной и академической, и на этот вопрос невольно хочется ответить вопросом: есть ли кто-нибудь из здравомыслящих профессионалистов, кто считал бы, что стачки существуют лишь тогда,

когда их признают „принципиально“ допустимыми. И не имеем ли мы уже в настоящий момент, когда мы считаем стачки на государственных предприятиях принципиально недопустимыми,—не имеем ли мы стачки на государственных предприятиях в качестве весьма обычного явления. Суть дела заключается не в талмудических рассуждениях о допустимости или недопустимости стачек на государственных предприятиях, а в том, чтобы, исходя из оценки об'ективного политического и экономического положения данной страны, определить тактику профессиональных союзов в деле разрешения конфликтов как на государственных, так и на частных предприятиях“ [1]).

Для понимания тактики революционных союзов в вопросе о стачках, необходимо прежде всего уяснить себе основную сущность стачек в Советской республике. Стачка в Советской республике является лишь выражением недовольства данной группы рабочих действиями *одного* из хозорганов, не умеющего проводить политику Советской власти на данном предприятии. Никакой противоположности интересов между государством, владеющим всеми предприятиями, и союзом, об'единяющим рабочих, здесь нет и быть не может, ибо государство и союзы преследуют одну и ту же основную цель—строительства социалистического хозяйства. Всякие конфликты в Советской республике могут быть, поэтому, разрешены путем *соглашения* через посредство соответствующих примирительных органов, без применения стачки. Стачки, которые неизбежно влекут за собою расстройство промышленности, глубоко вредны для рабочего класса Советских республик, ибо они разрушают ту работу по восстановлению промышленности, которую с таким трудом ведут Советское государство и профсоюзы. С этой именно точки зрения подошел к вопросу о стачках исторический пленум ВЦСПС в феврале 1922 года, установивший новые задачи союзов. „В настоящих условиях—постановил пленум—следует признать, что стачка является не только опасным, но и вредным оружием в экономической борьбе и поэтому непригодна для разрешения экономических конфликтов“. Признав далее, что стачки, как метод борьбы, непригодны, независимо от характера предприятия, пленум подчеркнул огромную разницу, между стачками на частных и государственных предприятиях. „В первом случае (на частном предприятии.—*А. А.*) борьба идет против классовых врагов про-

---

1) М. Томский. Профессиональные союзы на новых путях. Изд. ВЦСПС. Москва 1923 г.

летариата, вырывающихся из-под контроля его (пролетариата) государства, против попыток их, путем экономического давления, восстановить старые отношения между трудом и капиталом, попыток, по существу, явно контр-революционных. Во втором случае (на государственных предприятиях.—*А. А.*), борьба может принять характер стачки лишь против администрации государственного предприятия, т.-е. приказчиков пролетариата, не усвоивших его политики, извращающих ее и тем самым дискредитирующих диктатуру пролетариата, т.-е. вольно или невольно творящих контр-революционную политику. Попытки превратить конфликты и стачки на государственных предприятиях в борьбу против самого пролетарского государства—следует рассматривать как выступление против всего класса в целом, т.-е., равным образом, как действие контр-революционное".

Директива пленума была такова: стремиться к мирному разрешению всех возникающих конфликтов. „Лишь при использовании всех возможностей мирного разрешения конфликта, следует применять стачку при непременном условии санкционирования ее необходимости со стороны выше стоящих союзных или межсоюзных об'единений".

Несмотря на стремление союзов к мирному разрешению конфликтов, стачки все же возникали, в особенности в первое время после введения новой экономической политики, главным образом, вследствие неналаженности работы государственных органов управления хозяйством. За первое полугодие 1922 года имели место всего 102 стачки с числом участников в 43.503. Из этого числа 96 стачек произошли по причинам, связанным в той или иной форме с заработной платой (главным образом, несвоевременная выплата) и только 6 стачек произошли по другим причинам. Задержка в выплате зарплаты вызывалась, главным образом, неурегулированностью работы трестов и синдикатов и принятием ими на себя обязательств, которых они не могли выполнить. Следовательно, мы здесь имели дело не с непримиримостью интересов рабочих и предпринимателей, а с недочетами в работе государственных хозяйственных органов. Устранение этих недочетов должно было устранить и причину стачек. И на самом деле, по мере укрепления нашего хозяйства, число стачек уменьшалось. Общее число стачек в 1922 году составляло 446 с общим числом участников 192.000, число стачек в 1923 году составляло 381 (уменьшение на 12%), а число участников составляло 165.000 (умень-

шение на 14%)[1]. Еще более резкое уменьшение произошло в продолжительности стачек. Средняя продолжительность стачки составляла в 1922 году 3,1 дня, в 1923 году продолжительность упала до 2,2 дня (уменьшение на 30%); среднее число потерянных человеко-дней составляло на одного бастовавшего в 1922 году 2,9 дня, в 1923 году 2,1 дня. „Если сравнить среднюю цифру потери человеко-дней—говорит отчет ВЦСПС за 1922—24 г.,—на одного бастовавшего в 1923 году с дореволюционным временем (экономические забастовки), то получится уменьшение в 2,6 раза (2,1 дня в 1923 году против 5,6 дней в дореволюционное время). Если к анализу предыдущих данных еще прибавить, что преобладающее количество забастовок это забастовки не всеобщие, охватывающие все предприятия, а забастовки, охватывающие отдельные группы или, в крайнем случае, лишь отдельные цехи или шахты, то особый характер наших забастовок станет очевидным. Наши забастовки возникали не на почве антагонизма классовых интересов, а являлись вспышками недовольства бюрократическим отношением к элементарным требованиям рабочих".

Что касается причин забастовок в 1923 году, то здесь еще более резко преобладают те причины, которые мы наблюдали в 1922 году. 60% всего количества забастовок в 1923 году были вызваны несвоевременной выплатой заработной платы. Число участников забастовок, происшедших по этой причине, составляло 72% всего числа бастовавших. Весьма характерно, что среди причин забастовок на государственных предприятиях совершенно отсутствуют такие причины, как рабочее время, внутренний распорядок и правовые нормы, занимающие такое большое место среди причин забастовок в капиталистических странах.

В течение 1924 года произошло дальнейшее уменьшение числа забастовок, которые во второй половине 1924 года стали единичными и редкими явлениями. К этому времени Советское государство и профсоюзы приняли решительные меры к обеспечению своевременной выплаты заработной платы и к устранению тех недочетов в работе хозяйственных органов, которые вызывали справедливое недовольство рабочих. „Углубление массовой работы—указывает ВЦСПС, подводя итоги за период работы от V до VI с'езда профсоюзов,—более внимательное отношение к самому установлению и порядку проведения нормы выработки и сдель-

---

1) Профессиональные союзы СССР 1922—24 года. Издание ВЦСПС, 1924 г.

ных расценок, решительная борьба союзов за своевременность выплаты заработной платы выбивают почву из-под ног у преобладающего числа наших забастовок, являющихся не орудием классовой борьбы, а реагированием на бюрократизм и на неумение своевременно устранять „недостатки".

Вопрос о стачках в государственных предприятиях потерял в настоящее время всю свою остроту, ибо почва для стачек постепенно исчезает. VI с'езд профсоюзов (ноябрь 1924 года) не нашел нужным вовсе заниматься вопросом о стачках, учитывая, что они не играют никакой роли в профдвижении Советских республик.

Какие явления наблюдаем мы в это же время в частных предприятиях? Здесь мы не только не имели уменьшения числа забастовок, а, наоборот, наблюдали рост их. Прежде всего, здесь поражает огромное число конфликтов, по сравнении с числом конфликтов на государственных предприятиях. Выше мы уже видели, что частные предприятия занимают ничтожное место в общем хозяйстве страны: по отношению к общему числу всех занятых в промышленности рабочих в 1923 году, рабочие частных предприятий составляли лишь 4,8%; по отношению ко всей продукции промышленности, продукция частных предприятий составляла лишь 4%. Между тем из всего числа конфликтов, проходивших через примирительные камеры и третейские суды по РСФСР за 1923 год, конфликты, относящиеся к частным и кооперативным предприятиям, составляли 30,9%. Число забастовок на частных предприятиях за 1923 год увеличилось. В 1922 году в частных предприятиях всего было 99 забастовок с количеством участников—4.800, в 1923 году забастовок было 135, а число участников равно было 5.200. Увеличилась также и средняя продолжительность забастовок. В 1922 году она составляла 3,2 дня, в 1923 году—5,5 дня (увеличение на 40%); средняя потеря человеко-дня в 1922 году составляла 3,1 дня, в 1923 году—5,1 дня (увеличение на 66%). Причины забастовок в частных предприятиях были совершенно иного характера, чем в государственных предприятиях. 64,4% забастовок в частных предприятиях произошли по причинам, касавшимся внутреннего распорядка, правовых норм и пр. условий труда.

Следует отметить, что забастовки на частных предприятиях отнюдь не были стихийными, и все они шли под руководством союзных организаций. Большая часть этих забастовок кончалась в пользу рабочих. Целиком в пользу рабочих кончилось 76,7% забастовок, частично в пользу

рабочих—11,3%. Число проигранных забастовок было, таким образом, крайне ничтожно.

Признавая стачки негодным и вредным методом разрешения конфликтов в государственных предприятиях, союзы обратили основное свое внимание на работу государственных примирительных органов, которые были созданы сейчас же после перехода союзов на договорный порядок регулирования заработной платы и условий труда. Примирительные органы были созданы в союзном и государственном порядке для разбора дел, возникавших на почве невыполнения договоров, а также для разрешения споров, возникавших при первичном или повторном заключении договоров. Первичным конфликтным органом стала расценочно-конфликтная комиссия на предприятии, которая, наряду с установлением норм выработки, расценок и утверждением правил внутреннего распорядка, получила также характер примирительного органа, разбирающего споры между заводоуправлением и рабочими на почве применения коллективных договоров. Расценочно-конфликтная комиссия распространила свои действия преимущественно на конфликты мелкого характера между отдельными работниками и заводоуправлением. Более серьезные конфликты, затрагивающие целые группы рабочих, обыкновенно на разрешение расценочно-конфликтной комиссии не поступают, а переносятся через союзы в следующую инстанцию — примирительную камеру или третейский суд.

Передача конфликтов в примирительную камеру, согласно установленного порядка, должна производиться союзом; последний же, до этого перехода, естественно принимает все меры со своей стороны к тому, чтобы договориться с хозорганом и разрешить самому возникший конфликт. Таким образом, значительное число конфликтов получает разрешение непосредственно в союзных органах, не доходя до примирительных камер и третейских судов.

В основу строения примирительных камер и третейских судов положены те же принципы, что и при строении расценочно-конфликтной комиссии, т.-е. паритет, с той разницей, что в состав третейского суда, по соглашению сторон, председателем вводится незаинтересованное лицо (арбитр), решение которого, в случае отсутствия согласия между сторонами, является обязательным.

Большинство конфликтов, передаваемых в эти конфликтные органы, касается первоначального или повторного заключения коллективных договоров. Практика работы конфликтных органов показала, что предметом конфликтных

разбирательств являются, главным образом, вопросы заработной платы, срока выплаты, отчисления и т. д., возникающие при заключении коллективных договоров. Такой характер имели конфликты, разбиравшиеся как в центральных примирительных органах при Наркомтруде, так и при местных органах отделов труда, при чем общее число конфликтов, возникавших на почве заработной платы, составляло 70—80%.

Большинство конфликтов, разбиравшихся в примирительных органах, заканчивалось компромиссом, максимально обеспечивавшим интересы рабочих и интересы производства. Результаты работы конфликтных органов в 1923 году представляются в следующем виде. Разрешено конфликтов в центре, при примирительной камере Наркомтруда, с полным удовлетворением требований рабочих—15-20%, путем компромисса—60-70% и не в пользу рабочих—15%. В местных примирительных камерах 45% разобранных конфликтов окончились целиком в пользу рабочих, 40% разрешены путем компромиссов и около 15% не в пользу рабочих.

XIV. Союзы и производство

Новые хозяйственные отношения вызвали необходимость перенесения центра тяжести союзной работы с организационно-хозяйственной в область улучшения труда и быта рабочих, и укрепления связи союзов с массами. В каждом предприятии, как и в каждой отрасли хозяйства, руководящие органы стали целиком отвечать за порученное им дело, и союзы, таким образом, освобождались от мелочных забот о хозяйственной жизни предпрятия.

Необходимо было также уточнить взаимоотношения между хозяйственными органами и союзами, главным образом, в области назначения руководящего персонала промышленных предприятий „в сторону отказа союзов не только от непосредственного вмешательства в ход производства, но и от принципа равной стороны в деле назначения заводоуправлений и прочих органов управления промышленностью" (из резолюций II пленума ВЦСПС), оставаясь в рамках обсуждения профсоюзами совместно с хозяйственными органами кандидатур на руководящие административно-хозяйственные посты. Вопрос о назначении руководителей, стал, таким образом, делом исключительно хозяйственного органа, несущего непосредственную ответственность за порученную ему государством отрасль промышленности.

Эти новые методы формирования органов управления промышленностью и отдельных заводоуправлений привились и остались неизменными до настоящего времени. Необходимо подчеркнуть, что они нисколько не лишили союзы влияния на подбор руководящего персонала, напротив,— во многих случаях они даже усилили влияние союзных организаций.

Необходимость вести борьбу с частным капиталом создала для госпромышленности об'ективные условия для возможных уклонов в сторону недостаточно внимательного отношения к условиям труда. Хозяйственные органы—в первое время

существования в обстановке нэпа—невольно шли по линии наименьшего сопротивления. Союзы должны были особенно тщательно знакомиться с действительным состоянием государственной промышленности с точки зрения учета ее реальных возможностей в деле обеспечения рабочих масс.

На союзы целиком легла обязанность „защищать интересы трудящихся, способствовать, по мере возможности, повышению материального их быта, постоянно поправляя ошибки и преувеличения хозяйственнных органов, поскольку они вытекают из бюрократического извращения государственного аппарата“ [1]). На эту работу союзы обратили огромное внимание, и в настоящее время одним из основных моментов экономической работы союзных организаций является самое близкое ознакомление с положением данной отрасли промышленности.

Перед профсоюзами встала также и большая задача по собиранию основных кадров промышленного пролетариата, который во время гражданской войны отчасти был отвлечен на красные фронты, отчасти рассосался по деревням. За годы военного коммунизма общая численность рабочего класса увеличилась, главным образом, за счет подсобных рабочих и обслуживающего персонала, — основной же кадр промышленных рабочих уменьшился, по сравнению с 1913 годом, более, чем на половину.

С введением новой экономической политики, когда вопрос о восстановлении промышленности встал вполне *практически,* и когда постепенно выявилась возможность улучшения положения рабочего класса, перед хозяйственными органами и союзами встал прежде всего вопрос об улучшении положения основных отраслей промышленности и усиления кадров промышленного пролетариата.

Новые хозяйственные условия вызвали также необходимость переустройства форм управления промышленностью и переходя к форме трестированных предприятий. Тресты, работающие на началах хозяйственного расчета, отвечающие перед государством в порядке общей отчетности, самостоятельные в своем маневрировании, стали наиболее распространенной формой организации государственной промышленности. Принимая самое активное участие в организации трестов, союзы одновременно выявляли свое отношение к различным спорным вопросам, возникавшим в связи с трестирова-

---

[1]) Из резолюций II пленума ВЦСПС.

нием и наблюдали за тем, чтобы государственные интересы и интересы рабочих были полностью соблюдены.

В первый период введения новой экономической политики союзам приходилось самым внимательным образом наблюдать за процессом сдачи предприятий в аренду частным предпринимателям. Многие хозяйственные органы склонны были весьма упрощенно понимать директивы партии и государства о допустимости сдачи в аренду отдельных предприятий частным лицам и считали это применимым иногда и в отношении таких предприятий, которые могли бы с большой пользой для дела остаться в руках государства. Точно также самые условия аренды не всегда соответствовали интересам государства. Союзные организации поставили в это время одной из задач своей экономической работы принятие самого деятельного участия в ходе сдачи в аренду предприятий частным лицам. Согласно распоряжения высших государственных органов, ни одно предприятие не могло быть сдано в аренду без предварительного обсуждения вопроса соответствующей союзной организацией—о целесообразности самой аренды и об условиях последней.

Основными и важнейшими хозяйственными вопросами, которым союзы уделяли главное свое внимание, были в это время вопросы планирования промышленности. При переходе государства на мирное хозяйственное строительство прежние ударные методы работы становились явно негодными. Уже первые шаги советского государства, направленные к востановлению разрушенной промышленности, столкнулись с препятствиями, вытекавшими из отсутствия твердых хозяйственных планов в отдельных отраслях промышленности: такой именно характер носила заминка, происшедшая в самом начале периода мирного строительства, вызванная недостатком топлива.

Уточнение хозяйственных планов и производственных программ имело, кроме того, огромное значение для правильного проведения хозяйственного расчета, — основы промышленности, после введения новой экономической политики.

Признав необходимым ограничить свое участие во всякого рода чисто практических вопросах хозяйственного управления и организации производства,—союзы в то же время признали необходимым „усилить участие профсоюзов во всех *плановых* органах пролетарского государства, по скольку ведение планового хозяйства и необходимость согласования всех сторон хозяйственной жизни являются осо-

бенностью пролетарского государства“ [1]). „Представители профсоюзов—говорится далее в той же резолюции—должны привлекаться ко всем работам планового характера, в частности к рассмотрению всех производственных программ, к разработке планов рационального трестирования, к отбору тех предприятий, которые должны входить в об‘единение и которые должны сдаваться в аренду, к участию во всех комиссиях, работающих над составлением планов восстановления промышленности, а также, в связи с завязывающимися сношениями с заграницей, к установлению тех отраслей промышленности и предприятий, в которых допустимо создание смешанных обществ; к выяснению условий, на которых капитал может быть вовлечен в нашу промышленность“.

На работу в регулирующих плановых органах обратил усиленное внимание также V с‘езд профсоюзов, состоящийся в сентябре 1922 г. в Москве.

В дальнейшем к этим задачам союзов присоединился и ряд других, вытекавших из хозяйственных отношений, сложившихся в стране. Сюда относятся, главным образом, задачи союзов в области борьбы с „ножницами“ за удешевление продукции промышленности, а также за повышение производительности труда.

---

[1]) Из резолюций II пленума ВЦСПС.

XV. Массовая экономработа союзов

В своей экономической работе союзы постепенно перешли на массовые формы работы.

Первым основным условием для постановки этой работы явилось подробное и точное осведомление рабочих о состоянии их предприятия и всей отрасли промышленности, к которой данное предприятие принадлежит. В этом направлении даны были директивы со стороны ВЦСПС и ВСНХ [1]). Необходимо—говорится в совместном циркуляре этих организаций,—чтобы управляющий предприятием, а равно и правление треста делали на общих и делегатских собраниях рабочих периодические доклады о состоянии и работе предприятия и треста в целом, поскольку последние являются необходимыми для выяснения рабочим фактического состояния предприятия и его ближайших перспектив. В этих докладах обязательно должно быть дано освещение не только производственной стороны дела, но и финансово-коммерческой".

Основной организационной формой массовой экономической работы являются в настоящее время *„производственные совещания"*. Последние состоят из членов фабзавкомов, цеховых делегатов и наиболее активных, интересующихся производством рабочих, а также из технического персонала. Закончившийся недавно VI с'езд профсоюзов признал, что союзы должны уделить большее внимание производственным совещаниям. „Внимательное изучение заводской жизни—указал с'езд—вовлечение широких рабочих масс в интересы производства, и, наконец, общественный контроль, проводимый производственными совещаниями и комиссиями, должны оказать неоценимые услуги как при проведении конкретных мер по поднятию производительности труда, так и в раз'яснительной работе среди масс о хозяйственных задачах предприятия, отрасли промышленности и всего Союза Республик".

---

[1]) ВСНХ ныне ССНХ—Союзный Совет Народного Хозяйства.

Производственные совещания, имеющие целью улучшение производства путем выявления производственного опыта широких рабочих масс и усиления их интереса к делу поднятия производства, могут дать благоприятные результаты только в том случае, когда к их участникам со стороны администрации и со стороны завкома будет проявлено самое внимательное отношение. Создание таких благоприятных условий для работы производственных совещаний является одной из забот союзов. Соответственные указания об отношении к этим совещаниям даны также по линии хозорганов. „Директор завода в рабочем государстве — говорится в циркулярном письме ВСНХ (от 18-го июня 1924 года)— поставлен в неизмеримо лучшие условия, чем его предшественник в буржуазном государстве, ибо этот последний мог встречать со стороны всех участников производства либо формальное отношение к своим начинаниям, либо отношение совершенно враждебное, ибо цели старого директора и работающих на предприятии были диаметрально противоположны. Каждый красный директор имеет на своей стороне моральную поддержку рабочих масс, и это избавляет его от многих ошибок и неудач, которые были бы неизбежны, если бы он был совершенно одинок". И далее: „но чтобы выявить эту сознательность и активность рабочей массы к улучшению производства, не надо бояться критики, не надо затушевывать недостатки, наоборот, надо облегчить их выявление и не видеть во всем дискредитирования. Дискредитирован может быть только тот, кто скрывает свои недостатки, кто со злом не желает бороться, т.-е. тот, кто и должен быть дескридитирован. Надо уметь видеть правду и воспринимать ее от масс и от всех участников производства. Нет ничего хуже самохвальства и самодовольства. Идти вперед можно лишь тогда, когда шаг за шагом отыскиваешь зло и преодолеваешь его".

Руководство работой производственных совещаний осуществляется завкомом через посредство комиссий по производству, в состав которых входят также комиссия по научной организации труда (НОТ), ячейки лиги „Время" и пр., ставящие себе задачу устранения недочетов, мешающих улучшению производства. Итак, новые задачи союзов,—начиная с 1922 года, означали не отход союза от производства, а лишь изменение методов работы; углубление связи с массами на почве массового вовлечения рабочих в производство и усиление активного участия рабочих в строительстве социалистического хозяйства.

Заключение

Путь, по которому шли союзы советских республик за все истекшие годы, временами тернистый, извилистый,— полностью оправдал себя и привел к мощному усилению союзов и глубокому закреплению их влияния в массах. „Те результаты,—указал тов. Томский на VI с'езде союзов,—которые мы видим сейчас, по сравнению с тем, что было два года тому назад, показывают, что общая деятельность не только ВЦСПС, но и всех профессиональных союзов, находившихся под его руководством, оправдала себя целиком и полностью, как и та линия, которую дал российскому профессиональному движению V всероссийский с'езд профессиональных союзов". Основные положения, которыми руководствовались профсоюзы советских республик в своей деятельности, не подлежат, таким образом, ни пересмотру, ни исправлению. Перед союзами стоит теперь задача углубления своей работы в том же направлении, в каком союзы развивались в истекшие годы. „Основной задачей союзной деятельности на ближайшее время—постановил VI с'езд союзов — попрежнему остается развитие, расширение и углубление своих организаций в сторону наиболее полного охвата масс, путем всестороннего обслуживания и защиты их экономических и правовых интересов и духовных запросов. Эта задача, как показал опыт работы после V с'езда, может быть успешно разрешена профессиональными союзами лишь путем приближения всего своего аппарата к массам, приближения методов своей работы к их обслуживанию и привлечению массы членов к активному участию в жизни и деятельности союзов" [1]).

Во всех областях своей работы союзы все больше и больше развивают массовые формы работы. В этих целях союзы в центре своего внимания ставят усиление фабзавкомов и

[1]) Бюллетень VI с'езда профессиональных союзов, № 6. (Резолюция по организацион. вопросу).

обеспечение правильного направления их деятельности. „Методы работы заводского комитета—постановил VI с'езд профсоюзов — должны преследовать две задачи: втянуть в активную союзную деятельность всех выборных в заводский комитет и комиссии рабочих и через делегатские и общие собрания привлечь к активной союзной деятельности рабочие массы предприятий".

Исходя из задач постановки *массовой* работы, союзы расширяют теперь состав всех выборных союзных органов, учреждают фабзавкомы и месткомы в предприятиях и учреждениях с числом работников более 25 (до сих пор фабзавкомы и месткомы создавались лишь в предприятиях с числом работников более 50), усиливают работу касс взаимопомощи, и т. д., и т. п.

В области заработной платы ближайшее направление деятельности союзов заключается в том, чтобы стремление к повышению заработной платы и улучшению положения рабочего класса еще теснее увязать с ростом производительности труда. Проблема „ножниц" — хотя и упорно изживаемая—сделала вопрос о повышении производительности труда особенно актуальным и важным. Разрешения этой проблемы союзы ищут в двух областях: а) в организационно-хозяйственных улучшениях промышленности и б) в повышении интенсивности труда. При этом союзы исходят из того основного положения, что „все мероприятия по поднятию производительности труда должны привести, наряду с ростом заработка рабочих, к снижению себестоимости изделий нашей промышленности" [1]).

В области урегулирования заработной платы, а также в производственной работе, союзы все больше углубляют массовые формы работы: широкое предварительное обсуждение договоров на общих собраниях рабочих становится теперь *обязательным* правилом для всех союзных организаций. При этом происходит постепенное ограничение числа генеральных договоров и переход на местные договора, что еще больше усиливает воспитательное значение кампаний по заключению коллективных договоров. А на ряду со всем этим, производственные совещания—эта новая форма производственной работы союзов—получают все большее распространение в практике союзной деятельности. Они становятся могучим фактором не только повышения интереса рабочих масс к производству, но и усиления связи союзов с массой.

---

[1]) (Из резолюции VI С'езда Профсоюзов).

Новое направление культработы союзов, которое обеспечивает наиболее полное и правильное обслуживание культурных запросов членов союзов, одновременно влечет за собою и повышение их классового сознания и обще-культурного политического уровня рабочих масс. Здесь ближайшие задачи союзных организаций заключаются в том, чтобы, еще более углубив массовые методы, охватить не только членов союзов, но и членов их семей и построить всю культработу на началах полной самодеятельности и инициативы самих членов союзов.

При всей сложности экономической и политической обстановки Советской Республики—пока еще единственной цитадели пролетарской диктатуры,—каждая фабрика, каждый завод, каждая контора, каждое место применения наемного труда,—становится, благодаря все более развивающейся работе профсоюзов, лабораторией глубокой классово-воспитательной работы и подготовки широких рабочих масс к управлению хозяйством, развития самодеятельности рабочих масс и максимального укрепления их организаций.

Таким путем профсоюзы Советских республик, на деле, а не на словах, воздвигают, камень за камнем, здание социализма.

Враги Советской власти, враги диктатуры пролетариата прекрасно это знают, но им—верным слугам буржуазии—надо во что бы то ни стало опорочить и оклеветать рабочий класс Советской Республики, и, таким образом, отвести от него симпатии западно-европейского пролетариата.

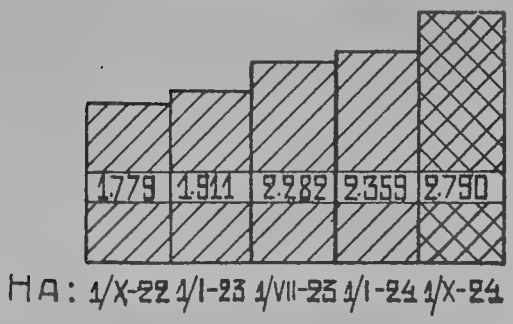
Это их сокровенное желание не раз уже терпело крушение. Теперь, когда российское профессиональное движение стало одной из наиболее мощных движущих сил всего мирового профессионального движения,—надо думать, затеи Шварца—и иже с ним—кончатся не более успешно. Пролетариат всего мира, не сегодня, так завтра, с нами и за нас.

Приложение

К стр. 22

Рост числа членов профсоюзов (в тысячах).

По промышленной группе.

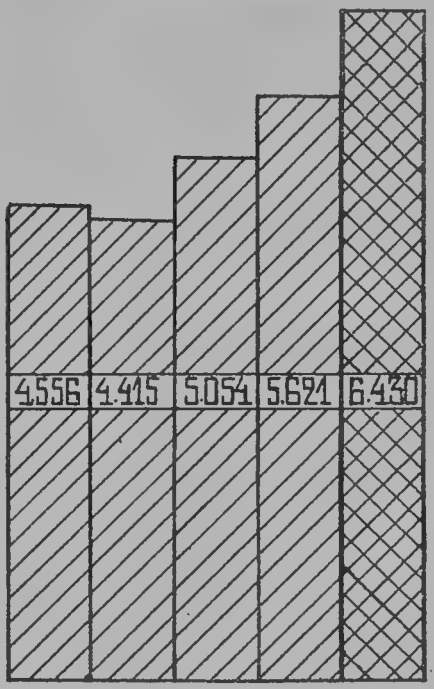


На: 1/X-22 1/I-23 1/VII-23 1/I-24 1/X-24

По остальн. союзам

На: 1/X-22 1/I-23 1/VII-23 1/I-24 1/X-24

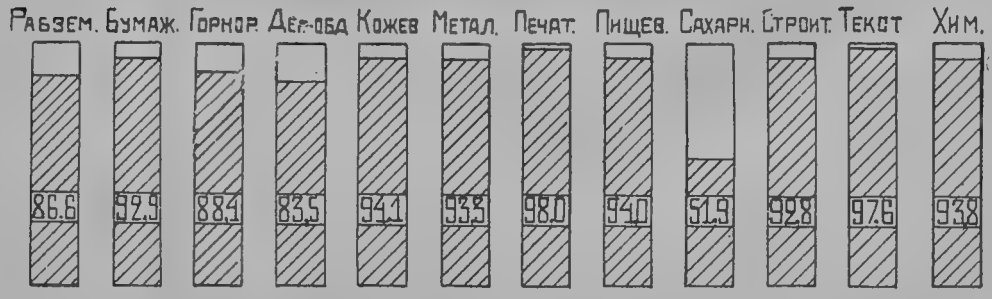
По всем союзам.

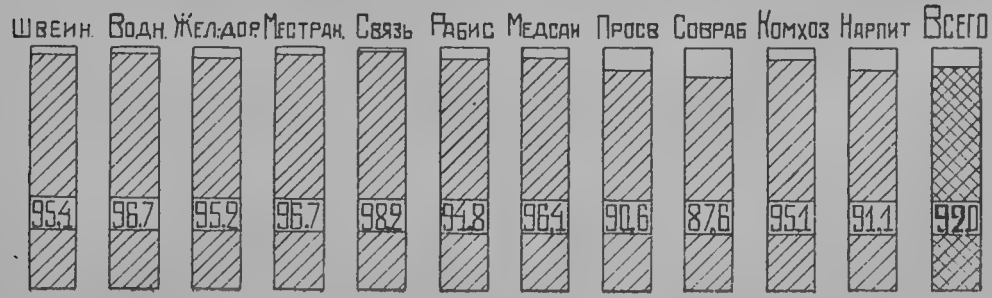


На: 1/X-22 1/I-23 1/VII-23 1/I-24 1/X-24

К стр. 33

Процент организованных в профсоюзах рабочих и служащих на 1 января 1924 г.

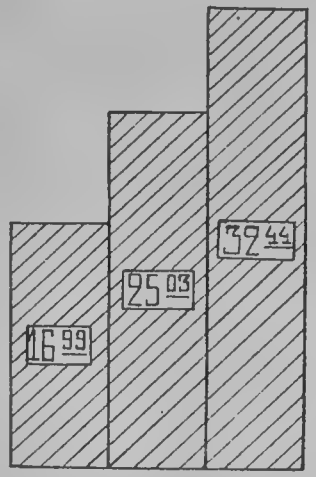




К стр. 68

Средний месячный реальный заработок рабочих крупной промышленности в условных московских рублях за 1922—1924 г.г.

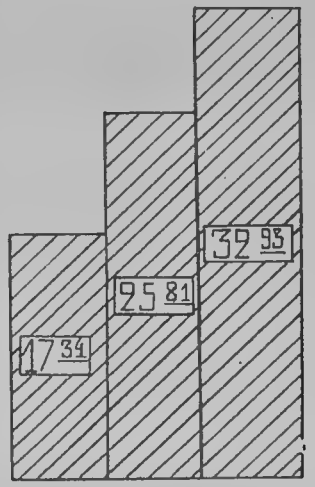
М о с к в а.



1-ЫЕ КВАРТАЛЫ:

22-23 г. 23-24 г. 24-25 г.

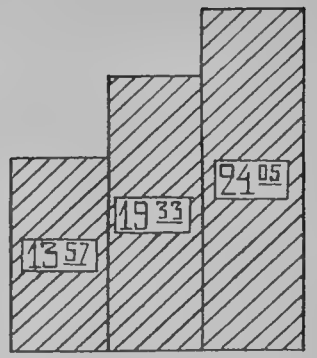
Ленинград. губ.



1-ЫЕ КВАРТАЛЫ:

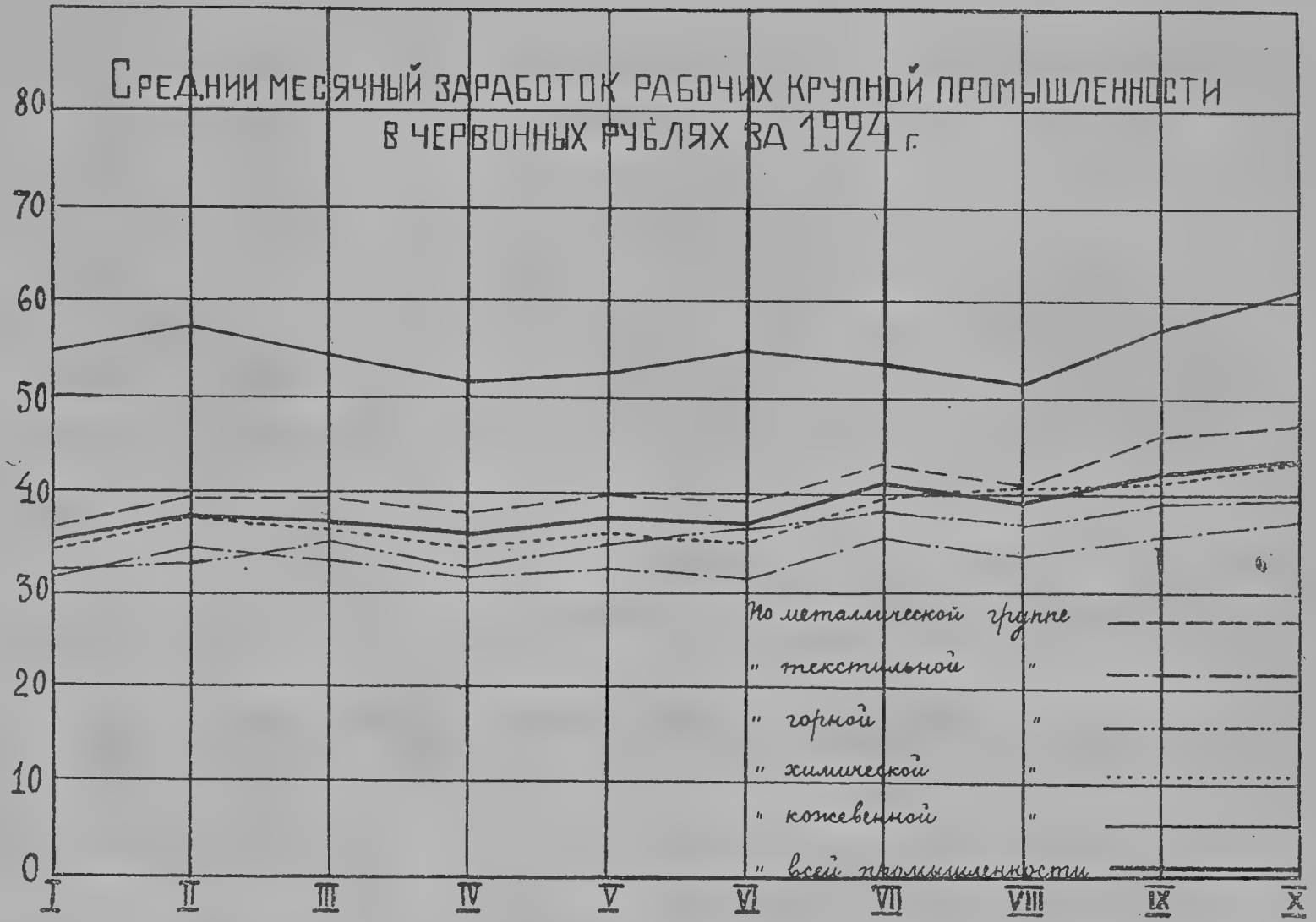
22-23 г. 23-24 г. 24-25 г.

Вся промышленность.

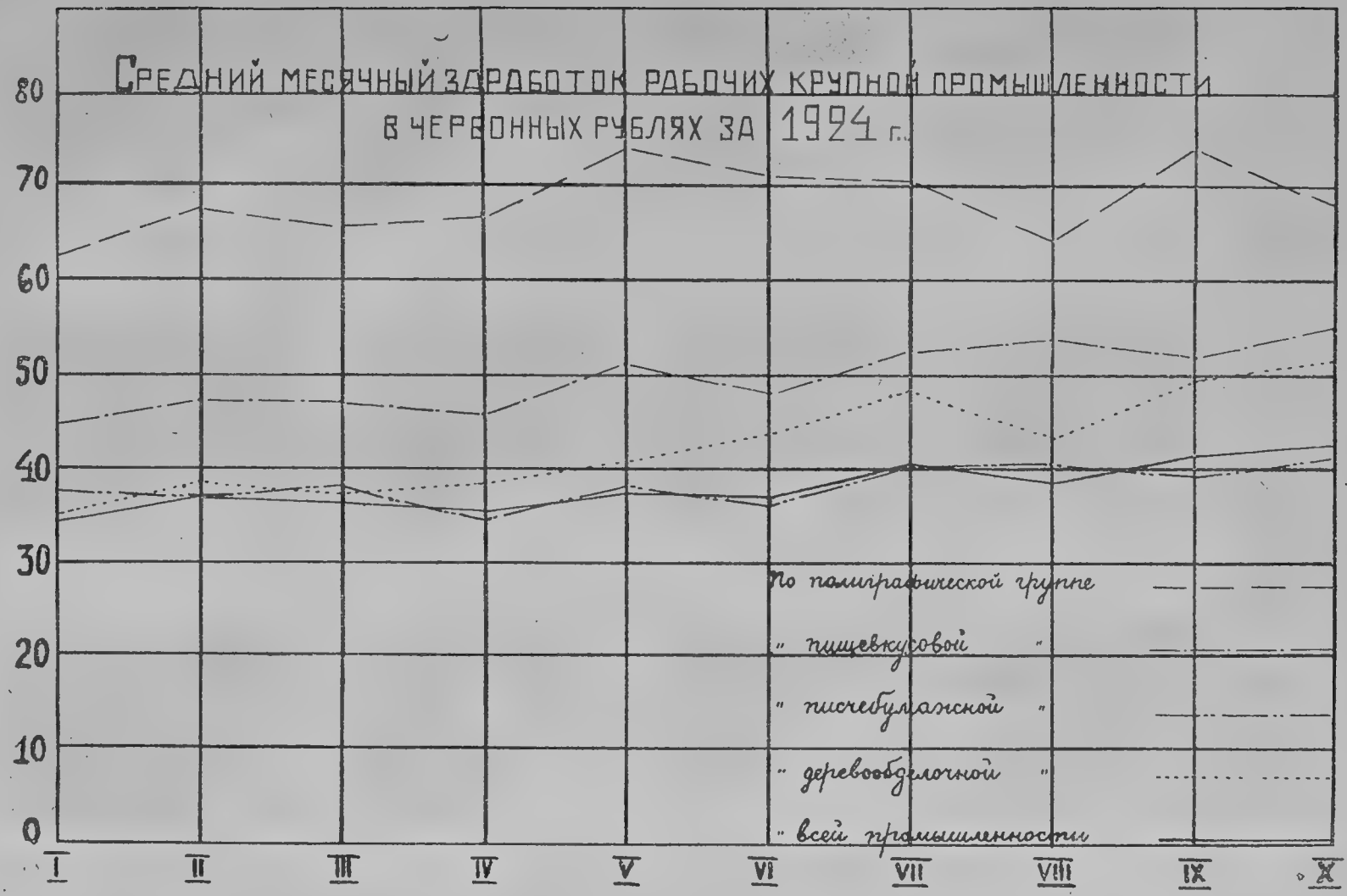


1-ЫЕ КВАРТАЛЫ:

22-23 г. 23-24 г. 24-25 г.


Средний месячный заработок рабочих крупной промышленности
в червонных рублях за 1924 г.
80
70
60
50
40
30
20
10
0
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
По металлической группе
" текстильной "
" горной "
" химической "
" кожевенной "
" всей промышленности

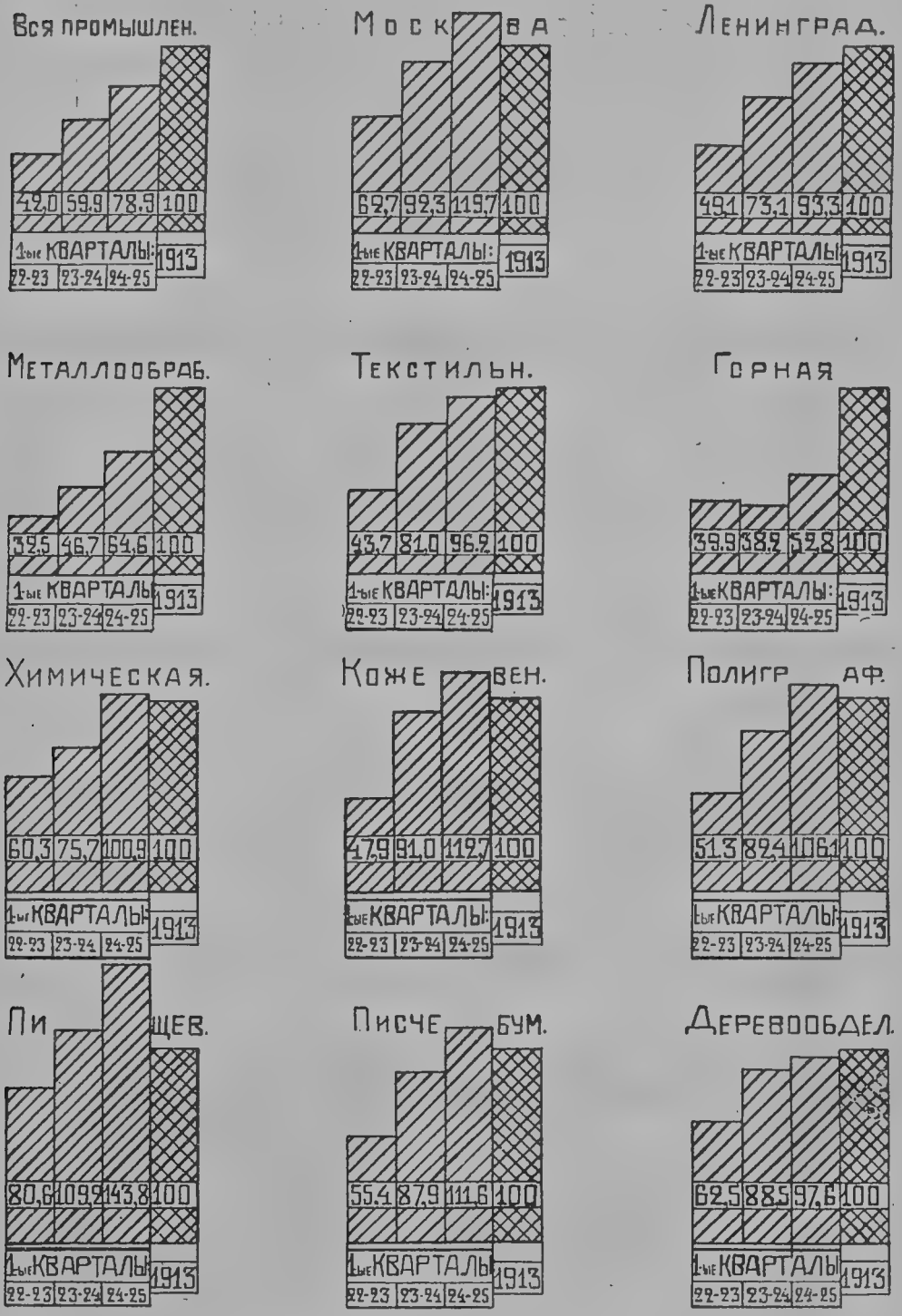
К стр. 69


Средний месячный заработок рабочих крупной промышленности
в червонных рублях за 1924 г.
80
70
60
50
40
30
20
10
0
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
По полиграфической группе
" пищевкусовой "
" писчебумажной "
" деревообделочной "
" всей промышленности

К стр. 69

К стр. 71

Средний месячный заработок рабочих крупной промышленности в %% к заработку 1913 года, принятому за 100.



ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
От редакции	III
Предисловие к немецкому изданию *А. Лозовского*	V
I. Профсоюзы накануне новой экономической политики	1
II. Новая экономическая политика и союзы	9
III. Новые задачи союзов	14
IV. Численный состав союзов в новых условиях	19
V. Добровольное членство	27
VI. Финансы союзов	35
VII. Фабзавкомы и делегатские собрания	42
VIII. Кассы взаимопомощи	48
X. Культработа союзов в новых условиях	53
XI. Регулирование заработной платы	57
XII. Движение заработной платы	67
XIII. Стачки и конфликты	81
XIV. Союзы в производстве	87
XV. Массовая экономическая работа союзов	92
Заключение	94

Приложение. Диаграммы.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв №.....

предисл.
abz
4 97 60
66
82
4
8
13
12
19